

ИНСТИТУТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ СЕМЬИ

ФЕНОМЕНЫ, МЕТОДЫ, КОНЦЕПЦИИ

Выпуск 6

**Санкт-Петербург
2012**

ББК 88
УДК 159.9

Издательская группа СВИВТ/ Publishing group SViWT

Печатается по рекомендации кафедры психологии человека ППФ РГПУ им. А. И. Герцена

Научный редактор: **С. А. Векилова**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена

Рецензенты: **Е. Ю. Коржова**, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена
А. В. Микляева, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена

Корректурa, верстка: **М. С. Волохонская**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена

Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 6. – МО.: СВИВТ, 2012. – 69 с.

ISBN 978-5-4362-0005-7

Научное издание

Печатается на средства авторов

ISBN 978-5-4362-0005-7

© ООО «СВИВТ», 2012

© Коллектив авторов, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Богдановская И. М.</i> Личностные смыслы любви в юношеском возрасте.....	4
<i>Борзунова Е. Н., Орлова Г. В.</i> Семья человека с ограниченными возможностями: мифы и реальность.....	11
<i>Векилова С. А.</i> Имя как инструмент создания идентичности в многопоколенной семье.....	16
<i>Волохонская М. С.</i> Инструменты деконструкции историй домашнего быта в интернет- сообществах (на примере сообщества Flylady.ru).....	24
<i>Еремеев Б. А.</i> О содержании пяти сборников по психологии семьи.....	29
<i>Иванова И. С.</i> Психодиагностические возможности исследования привязанности.....	36
<i>Микляева А. В.</i> Межвозрастные манипуляции во внутрисемейном взаимодействии.....	39
<i>Резник С. В.</i> Психологические аспекты принятия решений об усыновлении и сопровождение семьи на этом этапе.....	51
<i>Солнцева Н. В., Яковлева Н. В.</i> Представления о семье и окружающем мире подростков с хронической гастродуоденальной патологией.....	55
<i>Тимофеева Ю. А.</i> Поведение родителей как фактор учебной мотивации первоклассника (подсказки родителям будущих первоклассников).....	63
<i>Трегубенко И. А.</i> Имянаречение в семейной и исторической памяти личности.....	66

ЛИЧНОСТНЫЕ СМЫСЛЫ ЛЮБВИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В настоящее время в сфере социогуманитарного знания существует большое число теоретических концепций и эмпирических исследований любви. Попытка определить, понять и исследовать данный феномен всегда интересовала философов, ученых, людей, не имеющих отношения к науке. Если говорить о психологии, то даже свое название наука получила в честь героини мифа о Психее – одной из древних историй о любви. В настоящее время, актуальность подобных исследований не ослабевает. Авторами практически всех значимых концепций в области психологии подчеркивается причастность любви к основным сферам человеческой жизни, ее «сквозное» значение в ходе онтогенеза, ее определяющее значение для построения здоровых межличностных отношений, для процесса самореализации и духовного развития [2, 4]. Тем не менее, на данный момент не существует единой концепции любви, хотя ее различные грани раскрываются в рамках психоанализа (Фрейд З., Фромм Э., Хорни К., Эриксон Э., Юнг К.Г. и др.), когнитивно-бихевиорального подхода (Миллс Дж., Уотсон Д.Б., Харви Дж., Флойд Дж., Шехтер С. и др.), гуманистической и экзистенциальной психологии (Маслоу А., Роджерс К., Франкл В. и др.). В отечественной психологии представления о любви изучаются в контексте социокультурных факторов, происходит осмысление места любви в системе общечеловеческих и личностных ценностей (Гозман Л.Я., Розин В.М. и др.). Однако, на данный момент нельзя сказать, что круг исследований данного чувства исчерпан. Более того, представляется, что полностью психологическая сущность любви не может быть раскрыта, из-за невозможности в ходе объективного исследования формализовать все многообразие ее проявлений: «сама любовь, как человеческое отношение и переживание не может быть «сфотографирована», и измерена никакими научными средствами». Как отмечает А.Б. Демидов, основной задачей психологии в этой ситуации, становится не объяснение любви, а уточнение, прояснение значения данного феномена для современного человека [3].

Исходя из этого понимания, переход современной психологии к неклассической и постнеклассической методологии существенно расширяет границы научно-психологического исследования феномена любви за счет использования диалогических и герменевтических методов, проективного и психосемантического подходов. Использование постнеклассической методологии позволяет сконцентрироваться на переживании, ценности и смыслах любви непосредственно для субъектов, выявлять смысловую организацию представлений о данном чувстве. Один

из ярких примеров исследования личностных смыслов любви с позиций культурно-исторической психологии мы находим в работе Е.В. Вараксиной, где рассматриваются женские и мужские представления в период «юность-молодость». С позиций культурно-исторического подхода, можно подойти к более глубокому пониманию специфики личностных смыслов любви, поскольку последние концентрируют в себе ценности, накопившиеся за весь период развития человечества, и добавляют новые, характерные для нашего времени. В связи с этим, рабочая гипотеза нашего исследования состояла в предположении о том, что в структуре личностных смыслов любви мы можем обнаружить элементы традиционной и современной мифологии. Это связано с тем, что развитие современной молодежи пришлось на период преобразований во всех сферах жизнедеятельности российского общества, - масштабные кризисные явления привели к изменению привычной картины мира и более ярко выявили ее мифологические основания.

В нашей работе мы останавливаемся на феномене любви по отношению к лицам противоположного пола (партнерам) в юношеском возрасте. Объектом исследования выступила группа студентов Санкт-Петербургского института гуманитарного образования и Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (70 человек). Возраст испытуемых варьировал от восемнадцати до двадцати четырех лет, группа была уравновешена по полу. В выборке были представлены студенты различной профессиональной ориентации: менеджмент, психология, биология и др.

Для исследования личностного смысла любви были использованы следующие методики: методика предельных смыслов Д.А. Леонтьева, мини-эссе на тему «Идеальные и реальные любовные отношения». В работе использовались психосемантические методы - репертуарная решетка «Идеальная пара», сконструированная по результатам анализа методики предельных смыслов Д.А. Леонтьева и мини-эссе.

На первом этапе исследования нами изучались предельные смыслы любви - это глубинные смыслы, которыми руководствуется личность в построении любовных взаимоотношений. По результатам методики Д.А. Леонтьева нами было проанализировано 175 предельных смыслов. Среди них выделилось 3 группы: бытийные смыслы (83%), основанные на осознании ценности другого человека, без какого-либо желания его изменить или использовать; дефицитарные смыслы (13%), связанные со стремлением человека получить от любви то, чего не хватает: самоуважение, любовь и пр.; функциональные смыслы (4%), отражающие понимание любви в связи с физиологическими потребностями.

Личностный смысл любви обязательно включает идеальный образ любовных взаимоотношений. Идеал с этой точки зрения, намечает направление развития отношений, их «временную» перспективу. По результатам анкетирования было выявлено 65 пар «идеальных возлюбленных». В составленной по этим результатам ранговой иерархии

первое и второе место занимают Джек и Роуз (к/ф «Титаник»), Ромео и Джульетта. Родительская и прародительская пары (мать и отец, бабушка и дедушка), поделили третье место. Следующими по популярности парами явились: Красавица и Чудовище, Мастер и Маргарита, мистер и миссис Смит, Бонни и Клайд, Я и мой молодой человек, Элизабет Беннет и мистер Дарси (к/ф «Гордость и предубеждение»), Элли и Ной (к/ф «Дневник памяти»), Белла и Эдвард (к/ф «Сумерки»). Повторяющиеся образы идеальных пар составили 60% от общего числа примеров. Эти результаты показывают, что социокультурный сценарий развития идеальных любовных отношений в основном транслируется средствами кинематографа, но включает образы и реально существующих персонажей.

Исходя из анализа сюжетов любовных отношений, можно сделать вывод о том, что первые места занимают отношения, в которых царит самопожертвование либо одностороннее (Роза и Джек «Титаник») либо обоюдное (Ромео и Джульетта). Это указывает на преобладание в любовных отношениях любви-самопожертвования и любви-страсти. Для таких отношений характерна преданность, непреодолимое физическое влечение, а также бескорыстность, нежность и забота. Проанализируем мифологические аспекты этих образов. Исток сюжета о Ромео и Джульетте восходит к мифологическому рассказу Овидия о Пираме и Тисбе, из враждующих семей Вавилона, любовь которых также трагически оборвалась. Мотивы свадьбы и смерти в античной мифологии, особенно в восточных сюжетах, часто перекликаются и встречаются в одном сюжете как Любовь и Смерть, Эрос и Танатос. Джек и Роуз из фильма «Титаник» представляют собой самую романтическую пару современного кинематографа. В их отношениях просматривается линия, связанная с религиозным, библейским мотивом жертвы во спасение, в данном случае одного человека. После встречи с Джеком, Роуз начинает новую жизнь, взяв фамилию погибшего возлюбленного, изменившего ее взгляды на мир. Архетипическая пара Красавица и Чудовище отсылает к сюжету, важному для любовных и брачных отношений, в котором смертная девушка возвышает чудовище до себя, причем, само чудовище - это заколдованный мужчина [1]. Мастер и Маргарита – пара, давшая название знаменитому роману-мифу, также представляет отношения, уделом которых становится соединение в смерти, но всепобеждающая любовь позволяет им возродиться к вечной жизни. Такие пары как мистер и миссис Смит, Бонни и Клайд - демонстрируют романтические отношения между людьми в мифологической структуре гангстерского фильма. Образы наемных убийц (мистер и миссис Смит) и легендарных бандитов отсылают к сексуально-эротической линии массовой культуры, которая часто демонстрирует иррациональную власть сексуальных инстинктов над людьми и их связь с садомазохистскими комплексами и агрессивностью. Сюжетная линия Элли и Ноя из кинофильма «Дневник памяти» связана с мифом о Филемоне и Бавкиде, которая кратко может быть выражена словами «... и умерли в один день». Пара Беллы и Эдварда

из «Сумерек» представляет вампирический миф, который можно рассматривать как один из главных трендов массовой культуры. Однако, в основе современного киномифа лежит более глубокий архетипический сюжет, о котором С.Ф. Панкин говорит следующее: «...Иными словами, легенды о вампирах в их архетипическом измерении являются отголоском древней традиции, связанной с высшей новогодней мистерией солнца. В них воплощена убежденность, что смерти - как полного конца - просто не существует, что за роковой чертой могилы, безусловно, начинается новое существование, и это существование так же конкретно и материально, так же реально, (или так же призрачно, если угодно), как и земное» [5]. Отношения Элизабет Беннет и мистера Дарси («Гордость и предубеждение») связываются с мифом об отвергнутом женихе, который в данном произведении превращается в жениха истинного, после серьезных изменений во взглядах девушки на отношения между мужчиной и женщиной.

Образ «реальных любовных взаимоотношений» выявлялся в ходе контент-анализа по результатам мини-эссе (таблица 1)

«Главное в любовных отношениях это- ...»	Ранг	«Главное в любовных отношениях в наше время...»	Ранг	«Главное в любовных отношениях для меня ...»	Ранг
Всего:121 ответ		Всего:119 ответов		Всего:179 ответов	
любовь	1	секс, сексуальная совместимость, сексуальная удовлетворенность, сексуальное влечение	1	понимание, взаимопонимание	1
самопожертвование	2	доверие	2	доверие	2
чувства	4	материальное благополучие, высокий социальный статус	3,5	уважение	3
преданность	4	понимание	3,5	быть рядом, вместе	5,5
понимание	4	общие интересы	5	преданность	5,5
доверие	6	верность	6	общие интересы	5,5
		любовь - это сейчас не главное, не самое ценное, теряющее смысл	6	любовь	5,5
		любовь	6	честность	8,5
				забота	8,5

По результатам контент-анализа, можно сделать вывод о том, что молодые люди главным в отношениях считают любовь-

самопожертвование, преданность и понимание. Наиболее важным для любви в наше время молодежь считает сексуальные отношения, сексуальную удовлетворенность и сексуальную совместимость, материальное благополучие и высокий социальный статус. В данной категории представлен и пессимистический взгляд на отношения, связанный с тем, что любовь в наше время не является самым главным и продолжает терять смысл. Значимым в отношениях «для меня» на первых местах находятся взаимопонимание, доверие и уважение, преданность и общие интересы.

На завершающем этапе исследования нами была сконструирована репертуарная решетка конструкторы которой были выделены на основании методики предельных смыслов: «счастье-горе»; «одиночество-близость»; «смысл-бессмысленность»; «гармония-дисгармония»; «нужность-ненужность»; «спокойствие-беспокойство»; «радость-печаль»; «интерес-скука»; «удовлетворение-неудовлетворенность»; «доверие-предательство»; «защищенность-опасность»; «мир-война»; «полноценность-неполноценность»; «помощь-беспомощность»; «уверенность-неуверенность»; «целеустремленность-расслабленность»; «свобода-ответственность». В таблице 2 отражены результаты факторизации личностных конструкторов, позволившие выделить основные размерности личностно-смыслового пространства любви участников исследования: «Эмоциональная близость/эмоциональная напряженность», «Реализация/фрустрация бытийных смыслов любви».

№ п/п	Общие факторы	Показатели, образующие фактор	Факторная нагрузка
1	«Эмоциональная близость/эмоциональная напряженность» (%общей дисперсии, объясняемый действием фактора -49%)	спокойствие - беспокойство радость-печаль защищенность-опасность мир - война помощь-беспомощность уверенность-неуверенность	0,93 0,82 0,91 0,80 0,84 0,80
2	«Реализация/фрустрация бытийных смыслов любви» (%общей дисперсии, объясняемый действием фактора -42%)	счастье-несчастье близость-одиночество смысл-бессмысленность нужность-ненужность удовлетворение-неудовлетворенность доверие-предательство	0,76 0,84 0,74 0,76 0,74 0,72

В качестве элементов оценивания были выбраны образы возлюбленных, которые испытуемые использовали для описания

идеальных любовных отношений в мини-эссе. На рисунке 1 приведено размещение идеальных образов, в пространстве выделенных факторов.

Из приведенного рисунка видно, что наиболее близкими участникам исследования являются образы родительской и прародительской семьи. Именно эти пары наиболее высоко оцениваются по фактору эмоциональной близости в отношениях. Самой субъективно близкой парой возлюбленных являются Элизабет Беннет и мистер Дарси. Наиболее эмоционально-напряженными являются отношения Ромео и Джульетты, от которых испытуемые субъективно дистанцируются. Отношениями, наиболее полно реализовавшими бытийные смыслы любви, являются образы Красавицы и Чудовища, Мастера и Маргариты, родителей и прародителей.

В завершении исследования можно говорить о том, что основная идея послужившая основой для формирования рабочей гипотезы подтвердилась: личностные смыслы любви современного молодого человека включают мифологемы - символы данного чувства, посредством которых одновременно репрезентируется и субъективная картина любовных взаимоотношений. Мифологическая составляющая в структуре личностных смыслов любви иносказательно выражает сущность происходящего в жизненном пространстве молодого человека, и обозначает его значимость для будущего при помощи специального (символического) языка.

Литература

1. Бедненко Г. Красавица и чудовище: социально-ролевой и интрапсихический анализ сказки.- <http://www.psynavigator.ru/articles.php?code=563>
2. Вараксина Е. В. Трансформация представлений о смысле любви в процессе жизнеосуществления человека : Диссертация ... кандидата психологических наук.- Барнаул, 2008.- 285 с.
3. Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия. – Мн., 1999.- 180 с.
4. Екимчик О. А. Когнитивный и эмоциональный и компоненты любви у людей разного возраста: автореферат дис. ... кандидата психологических наук. - Москва, 2009.- 28 с.
5. Панкин С.Ф. Вампиры и оборотни. - М.: ЭКСМО, 2009. – С. 152.

СЕМЬЯ ЧЕЛОВЕКА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В современной России проблемы семьи становятся все более актуальными. Так проблемы создания семьи людьми с ограниченными возможностями стали обсуждаться на разных уровнях государственной власти. Потому, как общество относится к людям-инвалидам, судят об уровне цивилизованности того или иного государства. Ежегодно в Москве под покровительством патриарха Кирилла проходят научные конференции, посвященные проблемам семьи, в том числе и семьям людей с ограниченными возможностями здоровья.

В третьем тысячелетии население планеты должно осознать наличие инвалидов и необходимость создания для них нормальных условий жизни. Согласно статистике, 10% жителей нашей планеты (более 500 млн. чел.) имеют врожденные или приобретенные ограничения жизнедеятельности, один из десяти человек страдает от физических, умственных или сенсорных дефектов и не менее 25% всего населения страдают расстройствами здоровья. Примерно одна семья из четырех имеет в своем составе инвалида».

Современная эпоха устанавливает социальную справедливость и равноправие в качестве нравственных основ общества. Принципы уважения человеческого достоинства независимо от состояния физического и психического здоровья, возраста, пола, вероисповедания и социального положения включают соблюдение прав человека, включая право на медицинское обслуживание, образование и труд.

В 1994 г. Генеральная Ассамблея одобрила долгосрочную стратегию дальнейшего осуществления Всемирной программы действий в отношении инвалидов. Основной целью стратегии провозглашено создание «общества для всех», охватывающего все разнообразные человеческие ресурсы и позволяющего каждому человеку максимально развить его потенциал. По выдвинутой на пятьдесят пятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2001 году инициативе Мексики, к 2004 году был подготовлен проект Всеобъемлющей единой международной конвенции о защите и поощрении прав и достоинства инвалидов.

В связи с этим акцентируем внимание на статье 23 «Уважение дома и семьи» Конвенции о правах инвалидов, принятой резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года:

Государства-участники принимают эффективные надлежащие меры для устранения дискриминации в отношении инвалидов во всех вопросах, касающихся брака, семьи, отцовства, материнства и личных отношений и, наравне с другими, стремясь при этом обеспечить, чтобы:

а) признавалось право всех инвалидов, достигших брачного возраста, вступать в брак и создавать семью на основе свободного и полного согласия брачующихся;

б) признавались права инвалидов на свободное и ответственное принятие решений о числе детей и интервалах между их рождением и на доступ к соответствующей возрасту информации и к просвещению в вопросах репродуктивного поведения и планирования семьи, а также предоставлялись средства, позволяющие им осуществлять эти права;

в) инвалиды, включая детей, наравне с другими сохраняли свою фертильность.

Государства-участники обеспечивают права и обязанности инвалидов в отношении опекуна, попечительства, опеки, усыновления детей или аналогичных институтов, когда данные понятия присутствуют в национальном законодательстве; во всех случаях первостепенное значение имеют высшие интересы ребенка. Государства-участники оказывают инвалидам надлежащую помощь в выполнении ими своих обязанностей по воспитанию детей.

Государства-участники обеспечивают, чтобы дети-инвалиды имели равные права в отношении семейной жизни. Для реализации этих прав и недопущения сокрытия детей-инвалидов, их оставления, уклонения от ухода за ними и их сегрегации государства-участники обязуются с самого начала снабжать детей-инвалидов и их семьи всесторонней информацией, услугами и поддержкой.

Государства-участники обеспечивают, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями против их воли, за исключением случаев, когда поднадзорные суду компетентные органы в соответствии с применимыми законами и процедурами определяют, что такое разлучение необходимо в высших интересах ребенка. Ни при каких обстоятельствах ребенок не может быть разлучен с родителями по причине инвалидности либо самого ребенка, либо одного или обоих родителей.

Государства-участники обязуются в случае, когда ближайшие родственники не в состоянии обеспечить уход за ребенком-инвалидом, прилагать все усилия к тому, чтобы организовать альтернативный уход за счет привлечения более дальних родственников, а при отсутствии такой возможности за счет создания семейных условий для проживания ребенка в местном сообществе [2, С. 97-98].

Анализируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что инвалиды имеют те же **гражданские** и политические права, что и другие лица, в том числе и право на создание семьи. Почему же в жизни людей с ограниченными возможностями при создании семьи возникают дополнительные трудности?

Дело в том, что современные представления об инвалидности можно условно разделить на две группы - медицинскую и социальную. Первая точка зрения начинается объяснение инвалидности с того, что делает акцент на диагнозе органической патологии или дисфункции, приписывая

инвалидам статус больных, отклоняющихся, и приходит к выводу о необходимости их исправления или изоляции. Медицинская модель инвалидности очень распространена в обществе, она порождает множество мифов, которые выстраивают барьеры между инвалидами и другими людьми. В таких случаях инвалидность понимается не только как физиологическая патология организма, дефект внешнего вида или поведения человека, но и как социальное определение, «ярлык». Реальность опровергает многие из этих мифов. Самыми распространенными мифами на сегодняшний день являются следующие.

Миф №1: Образ жизни инвалидов коренным образом отличается от образа жизни других людей.

Реальностью является тот факт, что люди-инвалиды посещают школы, стирают, ходят в магазины, смеются, плачут, платят налоги, сердятся, имеют предрассудки, голосуют, планируют и мечтают, как все другие люди.

Миф №2: многие инвалиды не способны вступать в интимные отношения и не могут быть родителями.

В современном мире инвалиды женятся и выходят замуж, могут рожать или усыновлять детей, работают, имеют семьи.

Миф №3: инвалидам всегда требуется помощь.

В настоящее время многие инвалиды самостоятельны и способны сами помочь другим [3, С 9-10].

Чтобы доказать это, нами было проведено эмпирическое исследование на базе БУ ВО «Воронежского областного реабилитационного центра для инвалидов молодого возраста». В рамках исследования мы использовали такие методы как индивидуальная беседа, анкетирование и такие методики как: «Личностный дифференциал» («каким должен быть муж/жена?») адаптированная в НИИ им. В. М. Бехтерева, тест на «Удовлетворенность браком» авторы В. В. Столин, Т. Л. Романова, Г. П. Бутенко (для инвалидов, состоящих в браке), «Незаконченные предложения» Сакса и Леви (модифицированный вариант), а также мини-сочинение на тему «Мои планы и мечты».

Каждый из наших респондентов придерживается определенной стратегии позиционирования себя по отношению к семье и браку. Выстраивается модель жизнеустройства, где внутренний и внешний миры, образы «Я» в отношении к актуальной и потенциальной семье скрепляются степенью свободы и ответственности, возможностью изменений и проницаемостью границ. Упорядочить всю полученную информацию о роли семьи в жизни человека с инвалидностью можно, если оттолкнуться от фразы, которая повторяется в большинстве интервью: «Семья для меня – это все». Одна и та же фраза, произнесенная абсолютно разными людьми, представляет собой континуум смыслов, простирающийся между «свободой» и «границами». Для кого-то семья это место где ценят и любят таким как ты есть, место, где предоставляется возможность самореализации, для кого-то – уют и комфорт, «семья это

маленькая церковь, где два человека любят друг друга», в некоторых же случаях эта фраза звучит менее радужно «Да кому мы еще нужны такие...». 75% опрошенных не состоят в браке и, в основном, проживают в родительской семье. Анализируя полученные данные, мы видим, что 89,3% людей-инвалидов, не состоящих в браке, стремятся найти свою вторую половину, и мечтают создать семью, например, мы встречались с такими ответами: «наступит тот день, когда у меня будет своя семья», «если создам семью, хочу сделать жену счастливой и хороших воспитать детей», «я хочу иметь семью, потому что люблю детей и хочу полноценную семью». Причем решающее значение в поиске спутника жизни девушки отдают таким качествам как: честность, доброта, надежность, решительность, открытость, добросовестность и активность, молодые люди же ценят такие характеристики как доброта, честность, открытость, добросовестность, спокойность, общительность и самостоятельность.

Среди наших респондентов 5% состоят в разводе, причиной тому, в большей степени, послужила болезнь «как только болезнь начала прогрессировать, жена подала на развод» или же «не сошлись характером». В центре мы встретились со случаем, когда при разводе мужчина-инвалид остался с ребенком на руках при здоровой жене. Как бы то ни было, они мечтают вновь обрести вторую половину «сейчас освою новую профессию, буду работать, значит, смогу содержать семью, глядишь и найдется та, с которой будем вечера коротать» или же, например, «хочу семью, потому что первый брак был неудачным».

Наиболее интересным выступает тот факт, что из 20% опрошенных, людей-инвалидов состоящих в браке, лишь 10% скорее не удовлетворены браком, чем удовлетворены, преобладают же такие результаты как: скорее удовлетворенность, чем неудовлетворенность - 20% опрошенных, значительная удовлетворенность у 40%, практически полная удовлетворенность у 30% наших респондентов. Что свидетельствует о высокой роли семьи в жизни человека с ограниченными возможностями.

Сравнивая полученные результаты с выборкой людей, не относящихся к группе инвалидов, мы находим общее в ответах касающихся семьи и семейной жизни супругов.

Таким образом, семья инвалида - это не какой-то один тип семьи, относящийся к «группе риска» или к «семьям с проблемами», а огромное разнообразие случаев. Семьям инвалидов доступны те же радости и горести супружеских и родительско-детских отношений, у них есть мечты «наступит день, когда я сама буду ездить на машине» «хочу заниматься археологией», планы, например, «переехать с семьей в Ялту», «освоить профессию» и реалии «нужно помочь маме и сестре, потом свое строить» или «думаю, что достаточно способен, чтобы содержать семью» все так же, как и в других, «нормальных» семьях. И хотя в паттернах детско-родительских и супружеских отношений заложен потенциал социальной мобильности инвалидов, их ресурсы достижения автономности и

формирования позитивной идентичности, в историях семей мы наблюдаем, что порой отношения между супругами, родителями и детьми приобретают характер обладания, авторитарной власти и подчинения, освящаемые семейными идеологиями романтической любви, материнской заботы и домашнего очага. Эти идеологии депривуют людей от ресурсов сообщества, заставляют игнорировать потребности друг друга и в итоге разрушают отношения.

Многие из тех проблем, что испытывают инвалиды и их семьи, оказываются достаточно стандартными - возникают они по причине предубеждений по отношению к инвалидам со стороны окружающих, тендерных предрассудков и довольно типичных в семейной жизни межличностных конфликтов.

То, что мы обсуждали на этих страницах, - лишь часть большого разговора о социальном нормировании и уникальности жизненного опыта инвалидов. Мы попытались лишь наметить ту богатую палитру семейных практик, в которых участвуют люди с ограниченными возможностями, прикоснуться к реальному жизненному опыту семей, которые напрямую столкнулись с инвалидностью, приняли ее и претерпели целый ряд изменений. Возможно, голоса этих людей помогут нам понять то, что семья инвалидов - такая же, как и все, но в ней существуют зоны рисков, формируемых социальным осуждением и отсутствием социальной поддержки со стороны профессионалов и сообщества.

Литература:

1. «Жила была маленькая девочка, которая любила танцевать...» Семейные истории инвалидов-колясочников / Под ред. П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. – Самара, 2003. – 24с.
2. Жить инвалидом, но не быть им. Сборник / Под ред. Л. Л. Конопина. – Екатеринбург, 2000. – 618с.
3. Подготовка детей-инвалидов к семейной и взрослой жизни. Пособие для родителей и специалистов / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. –
4. Издание 2-е, дополненное. Саратов: ООО Издательство «Научная книга», 2007. - 188 с.

ИМЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В МНОГОПОКОЛЕННОЙ СЕМЬЕ

«...[он]... назвал ее Мартой,
чтобы у него была причина
произносить это имя вслух».

Радий Погодин «Где леший живет?»

В данном исследовании сделана попытка доказать, что имя собственное человека – антропоним, выполняет важную функцию в создании целостности многопоколенной семьи: называя членов семейного рода одинаковыми именами, семья связывает разные уровни родства обеспечивая преемственность единой семейной мифологии. Члены семьи используют для этих целей не только механизм наречения именем, но и, что более удивительно, находят себе супругов и партнеров с теми именами, которые уже представлены в семейной системе. Возможно, за такими выборами стоит осознанное или бессознательное предположение, что имя – является семантическим знаком, создающим и укрепляющим семейную идентичность или, что имя - это «духовная сущность» [7], а смыслы, которые оно кодирует необходимо поддерживать и сохранять.

Безусловно, против подобных убеждений можно выдвинуть несколько серьезных контраргументов. Первый сводится к тому, что в прежние времена целые деревни были населены людьми с одинаковыми именами (Иванами или Николаями), и выбор супруга с именем отца, брата или деда - дело простой случайности, что сходство имен внутри одной семьи - это результат такого «географического» единообразия или однообразия имен. Но ведь общий активный словарь имен уже в 19 веке содержал более 500 имен [3], что же заставляет сообщество живущих рядом людей пренебрегать возможностью индивидуализировать своих членов через имя? Очевидно, это стремление к единению через принадлежность одному имени. Можно также возразить, что календарные церковные словари имен привязывают дату рождения к определенному имени, и сходство имен определяется сходством дат рождений. Конечно, в периоды православных постов существовало правило воздержания, и в самом деле, даты рождений в прежние времена не распределялись равномерно на все 365 дней календарного года – но ведь каждый день календаря – день нескольких святых. Таким образом, аргументы, которые объясняют сходство имен географией, религиозными правилами или простой случайностью, работают одновременно и как аргументы в пользу выбора имен как средства создания связи, единства, целостности, независимо от того о какой целостности идет речь, общинной или семейной.

Более сложный вопрос – вопрос о том, связывается ли в индивидуальном сознании имя с определенными сакральными смыслами, с теми значениями, которые заложены в нем изначально, с момента формирования словаря христианских имен, как имен мучеников и святых [3,4,6], либо имя воспринимается более поверхностно, как знак тождества, причастности конкретному персонажу семейной или внесемейной группе. Фактически вопрос сводится к тому, какова глубина индивидуальной идентичности человека, связанной с именем, достигает ли она слоя сакральных мифологических значений, либо остается более поверхностной семейной, социальной или ситуационной. Эмпирические исследования по данному вопросу дают доказательства как в пользу поверхностной идентичности, так и глубинной идентичности [1,5]. Анкетные опросы подтверждают поверхностность, упражнения с именем в психотерапевтических группах – глубинность. Очевидно, проблема состоит в том, «как», «в какой ситуации» и «из какого уровня психического» должен быть задан вопрос и «из какого слоя сознательного или бессознательного» дается ответ. Проблема психических состояний и ретестовой надежности опросов, конечно, осознается в психологии, но не решается на настоящем уровне ее развития. Поэтому ограничимся тем, что доступно изучению.

Итак, для того, чтобы понять выполняет ли имя роль консолидирующего элемента семейной системы необходимо:

- доказать факт наличия феномена именной тождественности внутри родового клана;
- определить степень его распространенности в разных родовых сообществах;
- определить позиции в семейной системе тех членов родового сообщества; которым «выпадает жребий» носить семейное имя;
- понять психологическое значение практики наречения именем.

Выборку данного эмпирического исследования составили 67 многопоколенных родовых сообществ. Общая численность выборки 4744 человек. Из них 1085 человек (22,9%) не представлены в семейной родословной по имени, что интерпретировалось как проявление феномена семейного забвения. Оставшиеся 3659 человек названы по имени, т.е. прошли порог семейной легализации через имя (рис. 1).

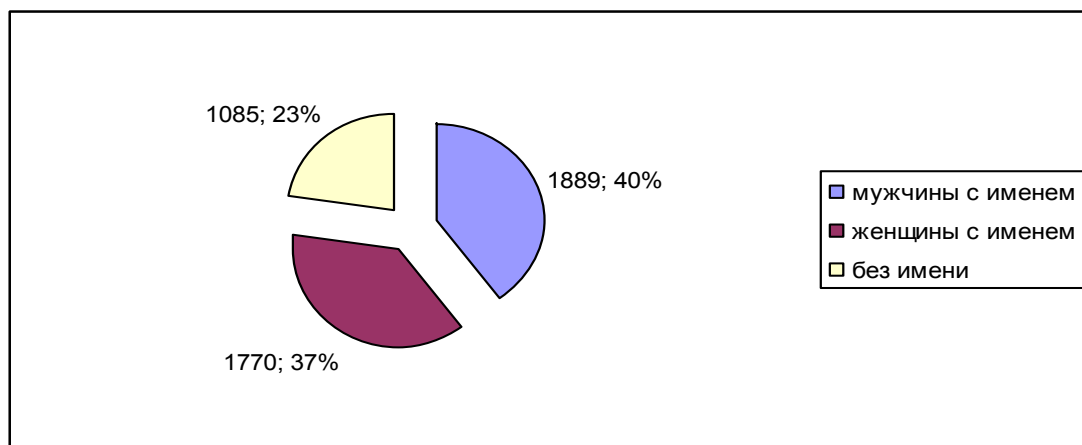

Рис. 1. Численность поименованных и «безымянных» людей в общей выборке.

Для каждого родового сообщества были составлены словари имен и подсчитаны соответствующие индексы. Результаты подсчета индексов «антропонимической тождественности» позволяет говорить о том, что разные родовые сообщества используют механизм наречения именем различным образом. Для некоторых родовых сообществ характерно большое разнообразие используемых имен. В них не наблюдается фактов повторения, и каждый член рода получает свое, ранее не использовавшееся в данном сообществе имя – индекс «антропонимической тождественности» (количество человек/количество имен) равен 1: каждому человеку – свое имя. В подобных сообществах имя не выполняет функцию связующего элемента рода, а является индивидуализирующим маркером. Возможно, мотивация выбора имен в таких случаях определяется идеологическими влияниями (Нинель, Владлен, Ким, Май) или сиюминутными влияниями внезапно появившегося социального героя (например, Валерий, в честь летчика Валерия Чкалова) [3], либо личными опытами родителей. Из общей выборки 67 родовых кланов таких оказалось всего семь. Из них только в одном нет ни одного совпадения имен, а из шести оставшихся в двух нет совпадения женских имен, и в четырех – нет совпадения мужских имен. Во всех случаях отсутствия именной тождественности имя не выполняет своей семейной и родовой идентифицирующей функции, не привязывает человека к его семейному кругу, а связывает его с другими социальными структурами вне семьи, определяя приоритет принадлежности именно таким «не семейным» способом.

В 60 родовых сообществах наблюдается противоположная картина – наблюдаются факты именной тождественности членов родовых кланов. Вновь родившегося члена рода нарекают именем предка. Используя механизм интроективной и проективной идентификации, ребенку адресуют определенные ожидания, но он может распорядиться этим «семейным багажом» по своему усмотрению. Он может принимать их, игнорировать или бунтовать против них, но независимо от субъективной

позиции, семейные ожидания модифицирует жизненный стиль данного человека. Возможно, он должен повторить судьбу предка или прожить его жизнь иначе, возможно на неосознаваемом уровне предок получает шанс вновь прожить свою жизнь в жизни («теле») пращура.

Семейные идентичности, в отличие от других социальных идентичностей, отличаются двумя важными свойствами: 1) это идентичности, предписанные значимыми, властными фигурами; 2) они подкрепляются осознанием факта «общности плоти» («в моих жилах течет его кровь»), сходства внешности («он похож на... деда, такой же, как ... дед») и характера («такой же упрямый, как ...»), т.е. тождество здесь не только символическое, но и реальное, материальное. Индекс «антропонимической тождественности» в таких сообществах может быть равным 2,0 и более, что означает высокую именную тождественность членов данного сообщества. Например, на 20 мужчин может приходиться всего 10 имен. Полученные данные демонстрируют разброс индекса от 1 до 2,29, со средними значениями 1,51 для мужчин и 1,37 для женщин (различия значимы на 0,1% уровне). Таким образом, несмотря на то, что общий словарь мужских имен более чем в 3 раза превосходит словарь женских имен [2], тенденция унифицировать внутри семейного клана имена мужчин выражена сильнее, однако факт высокой тождественности женских имен, также очевиден. Можно утверждать, что и мужчины, и женщины являются носителями «семейных» имен и реализуют общую тенденцию поддержания семейной целостности с помощью имени. К таким «ядерным» именам семейных кланов чаще всего относятся мужские имена: Александр, Иван, Николай, Владимир и женские имена: Анна, Мария, Екатерина, Елена.

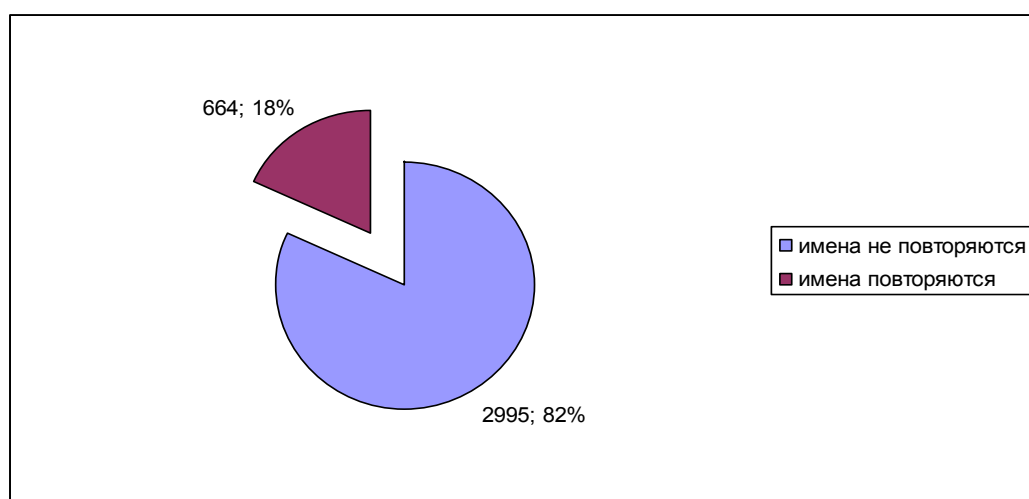

Рис. 2. Соотношение численности людей, чьи имена в близкородственной группе совпадают в сравнении с общей выборкой.

Индексы антропометрической тождественности дают обобщенную информацию о сходстве имен внутри родового клана, но часть случаев

сходства, действительно, является случайной. Для того, чтобы отделить эти случайные совпадения от неслучайных, закономерных явлений были подсчитаны частоты всех случаев совпадения имен в нуклеарных семьях ближайших родственников, чьи жизни совпадают или пересекаются во времени. Количество людей, чьи имена совпадают в близкородственной группе оказалось равным 664, что составляет 18,14% от общей выборки поименованных людей (от 3659 человек) (см. рис. 2). Из них 346 случаев касаются совпадения имен мужчин и 318 случаев совпадения имен женщин.

Далее процесс наречения именем был разделен на свои логические составляющие: определены тот, кто нарекает и тот, кого нарекают. Тот, кто нарекает, транслятор идентичности – это член семейного сообщества, наделяющий проекциями, и тот, кто наречен – реципиент идентичности, тот, кто интроецирует присваивает или должен присвоить идентичность в соответствии с ожиданиями транслятора. Рассмотрим отдельно описанные составляющие. Мы исходили из убеждения, что если имя ребенка совпадает с именем любого члена из родственной группы матери, то транслятором идентичности будет именно она или ее родственная группа. Если же имя ребенка совпадает с именем любого члена из родственной группы отца, то транслятором будет отец или его группа, поскольку кровное родство в человеческом сообществе имеет приоритет перед «свойством». Получились следующие результаты, представленные в таблице 1.

Таблица 1.

Идентификационные «цепочки», инициируемые матерью и отцом через механизм наречения именем (частоты совпадения имен)

Транслятор идентичности	Реципиент идентичности	частоты	объект идентичности (тот, чье имя присваивается) кол-во случаев совпадения имен	частоты	Реципиент идентичности	Транслятор идентичности
мать	сын	-	пра-прадед	2	сын	отец
		-	прадед	22		
		-	дед	55		
		-	отец	33		
		15	брат	16		
	дочь	10	сестра	2	дочь	
		7	мать	4		
		34	бабушка	-		
		22	Прабабушка	-		
		3	Пра-прабабушка	-		
			91	: и т о г о :	134	

Таблица 1 симметрична относительно центрального столбца, который составлен из представителей близкородственной группы матери и

отца. Цифры частот совпадения имен в разных типах родства говорит, прежде всего, о том, что мать и отец реализуют разные стратегии в отношении своих родовых кланов. Отец «распоряжается» преимущественно именами сыновей, а мать – именами дочерей. Каждый из них с помощью стратегии имянаречения «сшивает» кланы по вертикали, обеспечивая именную преемственность поколений, и по горизонтали, обеспечивая тождество имен внутри одновременно живущих родственников. Наиболее сильными трансляторами идентификаций являются отцы (в сумме 134 совпадения имен), а реципиентами их сыновья, которые носят имена прадедов (22 совпадения), дедов (55), и собственных отцов (33), а также братьев своих отцов – дядьев (16). Мужчины мало претендуют на имена своих дочерей, лишь изредка нарекая их именами своих матерей (4) и сестер (2). Роль матерей, как трансляторов идентичности более мягкая (91 совпадение имен), они нарекают своих дочерей именами своих матерей (34) и своих бабушек (22), иногда именами своих сестер (10). Для обеих идентификационных линий помимо прародительских значимыми объектами идентификаций являются фигуры братьев, что подчеркивает важность этого аспекта сиблинговых отношений в нуклеарной семье. Другим, менее отчетливым является механизм наречения одинаковыми именами детей, рожденных взрослыми братьями и сестрами: сыновья и дочери братьев и сестер – таких совпадений оказалось 32, соответственно этот механизм связывает 64 человека. В целом стратегия имянаречения как способ связать семью едиными именами связывает 514 человек и составляет 77% от общего числа совпадений имен.

Вторым механизмом создания семейной идентичности через имя является выбор супругов с определенными именами (таблица 2).

Таблица 2.

Идентификационные «цепочки» создаваемые при выборе брачного партнера (частоты совпадения имен).

транслятор	реципиент	Объект идентификации	реципиент	транслятор	
жена	муж	2 ее отец/его мать	7	жена	муж
		15 ее брат/его сестра	8		
		3 ее дед/его бабушка	-		
		1 последовательные супруги	1		
		40 : итого :	16		

Из таблицы 2 видно, что у женщин тенденция ориентироваться на родовые имена и, возможно, придавать им сакральные смыслы, выражена сильнее, чем у мужчин. Они чаще выбирают мужа с именем своего отца (21 случая) или брата (15 случаев). Также отмечены не представленные в таблице факты сходства имен у жен братьев (3) и мужей сестер (4), что отдаленно напоминает структуру дуальной фратрии, выделенную Л.Морганом в его работе 1933 года «Древнее общество». В целом

стратегия формирования единства семейных имен через выбор супругов встречается в 63 случаях совпадений имен и затрагивает 126 человек (19%) (рис. 3).

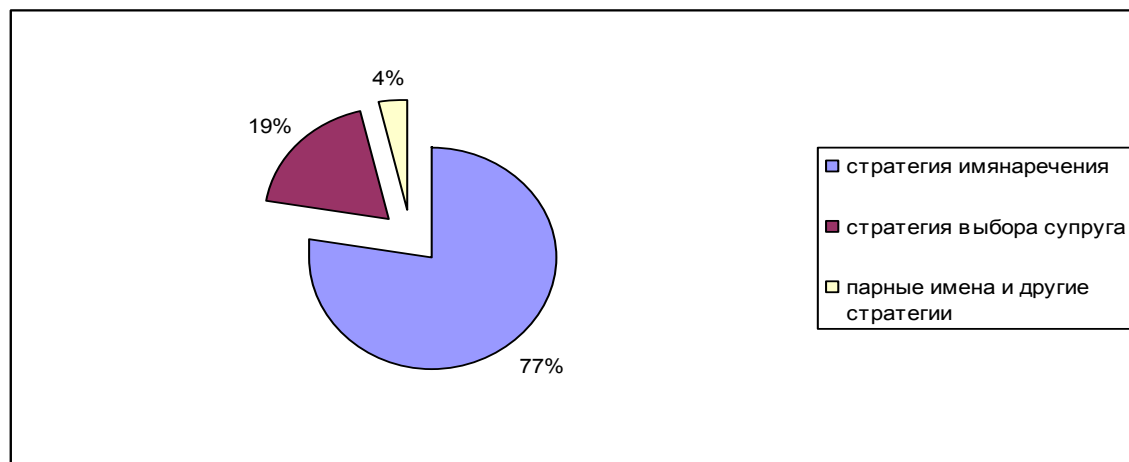

Рис. 3. Соотношение стратегий имянаречения и поиска брачного партнера в создании семейной именной идентичности.

Представляется, что данная группа фактов имеет наиболее явную психоаналитическую природу, раскрывая инцестуозную природу, по крайней мере, части супружеских выборов. Помимо этого, в каждой из родственных групп, связанных двумя механизмами именной идентичности представлены факты совпадения имен как результата наличия в словаре так называемых парных имен Валентин/Валентина, Евгений/Евгения, Василий/Василиса и др. Парными именами могут называться брат и сестра, мать и сын, отец и дочь и другие пары близких родственников.

Подводя итог можно сказать следующее: семейное сообщество использует имя в двух основных функциях – как средство индивидуализации и как средство отождествления. Тот факт, что в первом своем назначении имя используется чаще (82% : 18%) говорит о том, что связующий элемент и то что он связывает, находятся примерно в таком же соотношении как нить и ткань, для того, чтобы связывать, нить не должна быть «канатом». Как инструмент создания семейной целостности имя используется двояко. Первая стратегия – создание родовой целостности через механизм наречения именем, его более активно используют мужчины, реализуя метод вертикальной «сшивки» поколений одним мужским именем, что соответствует фактам патриномичности, характерным для русской культуры [3,6]. Вторая стратегия более активно используется женщинами – выбор супруга с именем, уже представленном в семейной системе, чаще всего с именем отца или брата, так, что люди, не состоящие в кровном родстве, становятся символическими родными по сакральному значению имени.

Таким образом, исследование словарей имен многопоколенных семей позволяет однозначно утверждать, что имя – это не просто

аудиальный и письменный знак различия, как об этом пишет А.В.Суперанская [4]. В не меньшей степени имя – знак отождествления. Представители линий семейного клана отождествляются со своими предшественниками – дедами и прадедами, бабушками и прабабушками и многими другими родственниками, жизни которых наделяются определенными смыслами, становятся судьбами и связываются с именами. Полагать, что имя используется в человеческом сообществе только как маркировочный ярлык, штрих-код или средство коммуникации, значит игнорировать историю возникновения и формирования словаря христианских имен и отказать человеку в его способности осознавать свое существование в контексте мифологической культуры.

За пределами данного исследования остался важный вопрос о судьбах тех, кто стал реципиентом в процессе семейной идентификации. В психотерапии принято считать, что этот процесс искажает личностную идентичность, разрушает индивидуальную судьбу и от семейных идентичностей следует освободиться. С таким убеждением нельзя безоговорочно согласиться. Факт незавершенности данной работы и необходимость проверки эмпирически недоказанных утверждений вынуждает нас продолжить работу над проблемами семейной антропоники и связанных с нею вопросов семейной психологии.

Литература:

1. Микляева А.В. Социально-психологический анализ «имяупотребления» как средства общения у подростков. Автореф. дисс... канд. психол. наук. – СПб. – 2002. – 18 с.
2. Справочник личных имен народов РСФСР. М.: Русский яз., 1987. 656 с.
3. Суперанская А.В. Имя – через века и страны. – М.: Наука, 1990. – 192 с.
4. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен: М.: АСТ, 1998. – 521 с.
5. Трегубенко И. А. Имянаречение в семейной и исторической памяти личности (статья в настоящем сборнике)
6. Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – 448 с.
7. Флоренский П.А. Имена. М.: АСТ: ФОЛИО, 2006. - 332 с.

ИНСТРУМЕНТЫ ДЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЙ ДОМАШНЕГО БЫТА В ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВАХ (НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕСТВА FLYLADY.RU)

Многие исследователи, работающие преимущественно в русле социального конструкционизма, подчёркивают влияние, которое оказывает на человеческую жизнь язык, а точнее, его дискурсивные характеристики, цепочки соединённых и отсылающих друг к другу значений, представленных в языке. В литературе, посвящённой нарративной психологии и нарративной психотерапии [3, 4], можно встретить указания на большую роль определённых высказываний, формулировок, способов построения речи в формировании и изменении жизненной истории человека. Так, например, Джилл Фридман и Джин Комбс пишут: «В главе 1 мы уже обсуждали, как медицинская модель может привести к тому, что люди ощущают себя «послушными телами», подвластными знанию и процедурам, в которых у них нет активного голоса. Есть также порабощающие истории о поле, расе, классе, возрасте, сексуальной ориентации и религии (это лишь немногие из них), которые в такой степени укоренены в нашей культуре, что мы можем попасть в их сети, не замечая этого» [4, с. 86]. В случае, если человек осознаёт влияние того или иного дискурса, у него появляется возможность деконструировать и перестроить те части своей жизненной истории, которые он считает нужным подвергнуть такому изменению.

В связи с открытием того факта, что дискурсивные характеристики языка и речи оказывают влияние на наши мысли, чувства и поведение, становится значимым вопрос о конкретных языковых средствах, использование которых приводит к деконструкции одних сценариев и конструированию других. Так, например, Р. М. Блакар [1], описывая роль языка в пространстве социального влияния, говорит о шести «инструментах власти», имеющихся в распоряжении того, кто отправляет сообщение. Эти инструменты таковы [1, с. 57-66]:

1. **Выбор слов и выражений.** Одно и то же явление может быть выражено несколькими синонимическими способами, и выбор того или иного способа оказывает влияние на восприятие сообщения реципиентом. Например, говоря «бокал наполовину полон» или «бокал наполовину пуст», мы используем формально синонимические выражения, однако смыслы этих двух выражений кардинально отличаются друг от друга.
2. **Создание новых слов и выражений.** К этому же классу инструментов относятся неправильное использование уже имеющихся слов (например, фраза «подвергаться мнению» вместо «подвергаться влиянию»), а также использование «пустых слов» (например, использование в рекламе сложных медицинских

терминов, значения которых никто в целевой аудитории не понимает).

3. **Выбор грамматической формы.** Этот инструмент представлен, например, использованием активного или пассивного залога, различных наклонений глаголов, настоящего, прошедшего и будущего времени.
4. **Выбор последовательности.** Если в речи используется несколько рядоположенных элементов (как, например, при перечислении), восприятие этих элементов будет зависеть от последовательности их предъявления.
5. **Суперсегментарные характеристики.** В устной речи к ним относится, например, тон голоса, скорость речи и т. п.; в интернет-коммуникации к суперсегментарным характеристикам можно отнести, например, использование смайликов.
6. **Выбор скрытых или подразумеваемых предпосылок.** В основе высказывания всегда лежит некое допущение, которое в рамках данного высказывания под сомнение не ставится. Например, во фразе «Все мужики — козлы» не ставится под сомнение тот факт, что мужики существуют, и не подразумевается вопрос о том, кого относить к мужикам, а кого нет; вместо этого реципиенту предлагается задуматься над тем, являются ли мужики козлами.

Цель данной работы — проиллюстрировать проявление описанных Р. М. Блакаром инструментов социального влияния в публичной интернет-коммуникации, посвящённой . В качестве примера выбрано сообщество Flylady, целью которого является изменение образа жизни его участников через способы ведения домашнего хозяйства. Концепция самоорганизации в пространстве и времени как способа изменения жизненного сценария человека используется уже давно; её описание можно найти в литературе, например, в работах известного специалиста Джулии Моргенстерн [2]. Основной идеей этой концепции выступает мысль о том, что Рассмотрим «инструменты власти» Р. М. Блакара в посланиях руководителей сообщества Flylady. Цитаты из текстов, представленных в сообществе, выделены курсивом.

Выбор слов и выражений

1. В сообществе используются категорические выражения, например, слова «всегда» и «никогда».
Ты никогда не станешь стыдиться своего дома и испытывать чувство вины.
2. Имеются высказывания, демонстрирующие включение новых участников в группу, а также акцентирующие важность поддержки.
«Не переживай! Мы все были такими же!», «Всем нам необходима поддержка время от времени», «Мы будем с тобой на каждом этапе».
3. Используются закрытые вопросы, которые создают впечатление, что

автор текста угадывает, что происходит с читателем. Возможно, инструмент такого рода может усилить доверие читателя, принадлежащего к целевой аудитории, к тексту. *«Ты живешь в хаосе? Ты чувствуешь себя загнанной лошадью? Мысли об уборке вызывают у тебя раздражение? Ты потеряла надежду хоть что-то изменить в своей жизни и не знаешь с чего начать?»*

Создание новых слов и выражений

В сообществе Flylady используются неологизмы. В качестве примера можно привести слово SHE — оно обозначает несчастную, загнанную домохозяйку, которая пытается сделать всё и сразу и, конечно, в конце концов терпит в этом неудачу. В текстах, опубликованных на сайте, участницы сообщества противопоставляются SHE.

Кроме того, неологизмы используются для обозначения рабочих понятий системы ведения домашнего хозяйства. *«Hotspot (Хотспот): Место в твоём доме, куда стоит положить хоть один лист бумаги, как он начинает размножаться с ужасающей скоростью».*

Суперсегментарные характеристики

В сообществе широко используются при помощи смайлики, например, для эффекта создания хорошего настроения.

«На этой неделе мы работаем в зоне 1 и зоне 5. Займитесь дверными ручками и выключателями в этих помещениях. Если есть возможность, используйте простейшие дезинфицирующие средства, но только не переусердствуйте! :)»

Водка, бесцветные спиртовые настойки, спирты (типа муравьиного), перекись водорода, нелюбимая туалетная вода - всё подойдет :)»

Не забывайте, что зима - время простуд. Немного перестраховаться не помешает :)»

Выбор грамматической формы

1. Прямые вопросы, отсылающие читателя к дискурсу проверки знаний, учительскому или , в пределе, родительскому.
«Наконец мы дошли до третьего дня! Ты готова к небольшому тесту? И... Поехали! Ты одета и обута в обувь на шнурках? Ты заправила постель? А раковина сияет?»
2. Безличные формулировки, отсылающие, например, к дискурсу запретов в общественных местах. Например, в сообществе вводится запрет на проявление негативных эмоций в публичном интернет-пространстве, и делается это при помощи следующей фразы: *«ХНЫКАТЬ и ЖАЛОВАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО!»*
3. Использование повелительного наклонения, отсылающего к авторитарному стилю общения, когда решения принимаются отправителем сообщения.

«Избавься от этой плаксы внутри себя!»

«Если нет – не читай дальше. Иди и сделай это. Я серьезно! Не читай, пока не ответишь на все вопросы положительно. Я подожду тебя здесь».

Скрытые, подразумеваемые предпосылки

В сообществе Flylady используется большое количество подразумеваемых предпосылок, касающихся тематики сообщества и действий его участников. Вот только некоторые из них, наиболее очевидные.

1. Домохозяйка — это женщина. В текстах всегда используется обращение к читателю как к женщине; домохозяйка, согласно используемому в сообществе дискурсу, не может быть мужчиной.
2. Самоорганизация — это хорошо, неорганизованность — это плохо. Например, в сообществе можно прочесть следующий текст:
«Я знаю, как ты устала от вечного беспорядка и хаоса вокруг себя. Мы хотим помочь тебе навсегда покончить с этим. Это не будет стоить ни копейки! Но ты должна постоянно помнить о том, что твой дом стал таким не за одну ночь, и ты не сможешь его привести в порядок за один день! Мы расскажем, как продвигаться маленькими шажками, как выработать новые привычки, как избавиться от хлама, не дающего тебе свободно дышать. Система работает для всех: не имеет значения, работаешь ли ты в офисе, сидишь дома с детьми, на пенсии, или твой дом и есть твой офис. Ты можешь это сделать! Тебе всего лишь нужно ободряющее и одобряющее объятие!»
3. Использование системы Flylady представляется как поворотный момент в жизни и начало *правильного* пути. *«Имей в виду, что ты не позади, ты просто начинаешь свой путь»*, *«На протяжении всей своей жизни мы шли по тупиковому пути»*.

Таким образом, влияние в сообществе Flylady, предназначенном для обучения альтернативной системе ведения домашнего хозяйства, можно охарактеризовать как авторитарное, ориентированное на деконструкцию привычных сценариев ведения домашнего хозяйства и порождение новых. Используется практически весь диапазон инструментов, перечисленных Р. М. Блакаром. Опираясь на вышеописанные особенности использования языка, можно сказать, что влияние в сообществе осуществляется в двух основных направлениях: в направлении поддержания контакта участниц с сообществом и в направлении собственно деконструкции сценария ведения домашнего хозяйства. Влияние в первом направлении складывается из двух основных компонентов: перераспределения ответственности (домохозяйки теперь могут разделить ответственность за успешность своей работы с руководителями сообщества, поскольку следуют их прямым указанием) и поддержки (в сообществе

подчёркивается тот факт, что невозможность самостоятельно справиться с домашней работой — часто встречающееся явление, которое возможно изменить совместными усилиями). Впоследствии же появление новых навыков самоорганизации, скорее всего, напрямую связано с постоянным применением деконструирующих инструментов, например, новых слов и выражений.

Отзывы постоянных членов сообщества, подчас носящие очень эмоциональный характер, дают основания предположить, что применение вышперечисленных инструментов в сообществе Flylady действительно приводит к частичной деконструкции жизненных историй участниц и позволяет добиться эффективности в обучении навыкам самоорганизации.

Литература:

1. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти. // Психология влияния. - СПб.: Питер, 2000. - С. 42-67.
2. Моргенстерн Д. Самоорганизация по принципу «изнутри наружу». Система эффективной организации пространства, предметной среды, информации и времени. - М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2006. - 352 с.
3. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. - Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. - 352 с.
4. Фридман Дж., Комбс Дж. Конструирование иных реальностей: Истории и рассказы как терапия. - М.: Независимая фирма «Класс», 2001. - 368 с.

О СОДЕРЖАНИИ ПЯТИ СБОРНИКОВ ПО ПСИХОЛОГИИ СЕМЬИ

В статье раскрывается вариант семиопсихометрического обобщения, проведённого на материале содержания пяти сборников по психологии семьи. Сборники подготовлены сотрудниками кафедры психологии человека в предыдущие пять лет. В частности, раскрываются предпосылки, ход и результаты проведённого обобщения: выделены устойчивые понятия (субъективные категории), учтено их распределение при формулировке названий у опубликованных работ и по пяти сборникам, соотнесено содержание этих сборников.

Проанализированы материалы, опубликованные в пяти сборниках научных статей, подготовленных сотрудниками кафедры психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена в 2007-2011 годах [3; 4; 5; 6; 7].

Тематика материалов любого научного сборника раскрывается, прежде всего, в названиях включённых в него текстов. Обычно используется потекстовый масштаб анализа; это значит, что рассматриваются отдельные работы, вошедшие в сборник. В нашем же случае для анализа и последующего обобщения в качестве *единиц наблюдения* взяты формулировки тем, или названия работ, опубликованных в пяти сборниках, всего $N = 23+16+19+13+14 = 85$.

Обобщение предполагает отнесение взятого объекта к категории (классу) сходных с ним объектов (по взятому основанию), с отвлечением от его единичных и особенных признаков. Поэтому всякая категоризация посредством словесного обозначения является обобщением. В нашем случае слова как «живые клетки» сознания (по Л. С. Выготскому) учтены по их лексической основе с отвлечением от ситуативных грамматических признаков.

Обобщено категориальное наполнение формулировок, раскрывающих названия опубликованных работ как указывающих на их объективную тематику. Предполагается, что словесное выражение этого категориального наполнения раскрывает имплицитное строение у взятой предметной области научных исследований, обнаруживает её основные субъективные познавательные проекции. Иногда эти проекции также называют конструктами, или факторами.

В данном случае реализованы три основных этапа обобщающего описания. Во-первых, это сплошной индуктивный контент-анализ с выделением субъективных категорий (*единиц анализа*), раскрывающих взятую тематику, и с учётом устойчивости их проявлений (*единиц счёта*) во взятом контексте – по всем 85-и публикациям (*единицам наблюдения*).

Во-вторых, это выделение наиболее устойчивых *единиц анализа* и учёт их распределения по всем *единицам наблюдения*.

В-третьих, это соотнесение содержания пяти сборников, взятых как *макро-единицы наблюдения*, по составу категорий (*единиц анализа*) на фоне их логической суммы.

Операционально названные этапы конкретизируются следующим образом. Среди всех субъективных категорий (*единиц анализа*, раскрывающих тематику научных исследований) выявляются категории с наибольшей распределительной устойчивостью – частотой у соответствующих им лексических единиц – *единиц счёта*. Говоря о распределительной частоте, специалисты-языковеды имеют в виду количество текстов из числа взятых, которые содержат определённую лексическую единицу. В нашем случае это названия опубликованных материалов (из общего числа *единиц наблюдения* $N = 85$), содержащие каждую *единицу счёта*.

Затем для каждой *единицы наблюдения* определяется количество содержащихся в ней самых устойчивых *единиц счёта*. Распределение *единиц наблюдения* по этому показателю разводит их по основанию тематической типичности и/или оригинальности во взятом контексте. Таким образом, типичные названия содержат максимальное количество устойчивых категорий, а оригинальные названия – минимальное их количество (в пределе – вообще их не содержат).

Наконец, рассматривается пересечение категориальных составов, раскрывающих содержание сборников. Наличие такого пересечения и его выраженность интерпретируются как проявление содержательной общности между сборниками. Ситуативный контекст сопоставления – его предметный фон – задан содержанием всех пяти сборников. Поэтому, следуя принципу ситуативно-функционального подхода [1], в качестве предметного фона для измерения содержательной общности в данном случае я использовал логическую сумму пяти категориальных составов. А для оценки пересечения составов в парах сборников я использовал коэффициент корреляции Пирсона для качественных признаков, или тетракорический показатель связи (r).

Обобщение парных отношений содержательной общности обеспечивается их структурным описанием. И, в частности, – переходом к учёту положения каждого сборника, *макро-единицы наблюдения*, в ***пространстве*** его отношений с четырьмя остальными. Здесь становится актуальной тригонометрическая интерпретация коэффициента корреляции как косинуса угла между двумя векторами, отображающими коррелируемые величины (по Фишеру, в *радианах*). И тогда положение каждой *макро-единицы наблюдения*, каждого сборника, в ***пространстве*** его отношений с остальными, характеризуется средней арифметической его угловых расстояний до них, или *специфичностью* положения.

Меньшая специфичность соответствует большей содержательной общности. Единица наблюдения с минимальной специфичностью занимает положение центрального элемента в структуре предметной общности между взятыми единицами. В нашем случае это – конечное множество

макро-единиц наблюдения – пять сборников по психологии семьи. Бóльшая специфичность соответствует меньшей общности (бóльшему своеобразию). Единица наблюдения (сборник) с максимальной специфичностью занимает положение периферийного элемента в соответствующей структуре предметной общности.

Положительную корреляцию между последовательностью публикации научных сборников и рангом их общности (центральности) в структуре предметной общности можно интерпретировать как наличие тенденции в развитии научных исследований, или как их диахронию [2]. Отсутствие такой корреляции позволяет предполагать фактическую синхронию исследований, хотя они и опубликованы в разных выпусках сборника научных работ.

А теперь посмотрим, как посредством принятой технологии исследования раскрывается содержание пяти взятых сборников по психологии семьи.

В результате сплошного индуктивного контент-анализа оказалось, что тематика исследований в рамках пяти выпусков «Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции» раскрывается проявлениями 261-й субъективной категории. Эти категории выражены лексическими основами, имеющими распределительную частоту от однократного появления до пятидесяти двух: $f=1\div 52$. При этом 149 лексических единиц из 261-й были использованы только в какой-либо одной формулировке и поэтому имеют распределительную частоту $f=1$. А 27 единиц имеют распределительную частоту $f\geq 6$, что статистически значимо (на 95%-м уровне вероятности безошибочных прогнозов) отличается от однократного появления. Из них 21 лексическая единица – знаменательные, т.е. имеют собственное лексическое значение, и 6 единиц – служебные: это союзы и предлоги, выражающие мыслительные операции с актуальными категориями.

Частотность лексических единиц свидетельствует об очевидности для говорящих соответствующих фрагментов (и/или аспектов) действительности и подходящих форм их обозначения. С точки зрения характеристики социального познания, частое свидетельствует о сравнительной лёгкости, а редкое – о сравнительной трудности осознания действительности в форме её речевого описания. Причём в нашем случае речь идёт о сравнительной очевидности – и, соответственно, о лёгкости и/или трудности осознания – на уровне совокупного субъекта научной деятельности, авторов статей, опубликованных в пяти тематических сборниках научных трудов.

В данном случае в содержании сборников на поверхности лежат самые очевидные темы, выраженные категориями *семья* (есть в названиях 52-х работ: $f=52$) и *отношение* ($f=22$). Отмечу, что категория *семья* входит в формулировку тематики сборников, что было общим ориентиром для всех авторов, опубликовавших в них свои статьи. И соответствующие лексические единицы вошли в формулировку темы (в названия) 61% от

числа всех статей – 52-х из 85-и. Остальные лексические элементы, раскрывающие формулировку общей тематики сборников, оказались уже гораздо менее очевидными для авторов статей. Тема *психологии* обозначена в 14 названиях (~16%), тема *современности* – в пяти (~6%), темы *метода*, *проблем* и *феномена* – в трёх (~4%) и тема *концепта* – только в одном названии (~1%).

Единицы счёта, выражающие две названные, самые частые категории, *семья* ($f=52$) и *отношение* ($f=22$), входят в формулировку темы ~72% всех опубликованных работ – 61-й из 85-и.

Статистически в высшей степени неслучайна (отличается от однократного появления с вероятностью 99,9%: $f \geq 11$) частота выражения ещё 6-и категорий, отнесённых ко второму уровню очевидности. Их устойчивость оценивается показателем распределительной частоты в пределах $f=11 \div 14$. Это семантически самостоятельная тема *психология* ($f=14$). Это также самостоятельные темы *жизнь*, *особенности* и служебная тема *как* – тема отношения, которое устанавливают исследователи между выделяемыми фрагментами и/или аспектами действительности при их категоризации. Устойчивость всех трёх оценивается показателем $f=12$. Слово «как» использовано здесь, при конкретизации тематики научных работ, в значении союза, раскрывающего отнесение одного взятого фрагмента действительности к другим; синонимичными в таком контексте являются выражения «в качестве...», «в роли...». Такая явно операциональная семантика союза «как» и стала основанием для его учёта в данном случае наряду с лексемами знаменательных слов.

К этому же уровню очевидности относятся две специализирующие категории – *дети* и *подростки* ($f=11$).

Единицы счёта, выражающие восемь перечисленных выше, наиболее устойчивых категорий, входят в формулировку темы ~91% всех публикаций в пяти сборниках – 77-и из 85-и.

Статистически неслучайна (отличается от однократного появления с вероятностью 99%: $f \geq 8$) частота выражения ещё пяти категорий, отнесённых к третьему уровню очевидности. Их устойчивость оценивается показателем распределительной частоты в пределах $f=8 \div 10$. Это тема *ребёнок* ($f=10$); *ситуация* и *социальность* ($f=9$); контактность (*между*) и *родительство* ($f=8$). Единицы счёта, выражающие тринадцать названных, наиболее устойчивых категорий, входят в формулировку темы уже ~92% всех опубликованных работ – 78-и из 85-и.

Наконец, статистически неслучайна (отличается от однократного появления с вероятностью 95%: $f \geq 6$) частота выражения ещё восьми категорий, отнесённых к четвёртому уровню очевидности. Эти единицы анализа имеют устойчивость, которая оценивается показателем распределительной частоты в пределах $f=6 \div 7$. В числе этих категорий – *личность*, *различие/разница* и *роль* ($f=7$). Это также категории *взаимность*, *влияние*, *возраст*, пол (*женщины*) и *супружество* ($f=6$). Перечисленные здесь 8 категорий, вместе с тринадцатью предыдущими (самые устойчивые

единицы анализа – всего 21) входят в формулировку темы уже ~98% от общего числа публикаций: 83-х из 85-и.

Следующий шаг обобщающего описания – выделение работ, в которых формулировка темы в разной степени выражает тематику всех пяти сборников. Шесть категорий из 21-й, наиболее устойчивых, использованы в названиях трёх работ. Их можно рассматривать как наиболее тематически типичные для пяти выпусков «Современных проблем психологии семьи...» Пять устойчивых категорий вошли в названия пяти работ, четыре категории – в названия семнадцати работ, три – в названия тридцати, две – в четырнадцать названий, одна категория – в такое же количество названий (в 14). И ни одной из наиболее устойчивых категорий не оказалось в названиях двух работ. В контексте взятых материалов их можно рассматривать как тематически оригинальные.

Посмотрим, каковы именно полярные формулировки тем (или названия публикаций) среди 85-и взятых: три самые типичные формулировки и две формулировки, «выпадающие» из общего ряда.

Вот наиболее типичные формулировки:

1) Единица наблюдения № 21 (выпуск 1): Туманова Е. Н. *Социально-психологическое сопровождение подростков на этапе подготовки к преодолению кризисных ситуаций семейной жизни*;

2) Единица наблюдения № 39 (выпуск 2): Туманова Е. Н., Ермилова И. С. *Личностные характеристики и особенности межличностных отношений [у] женщин, осваивающих роль бабушки*;

3) Единица наблюдения № 79 (выпуск 5): **Луковкина А. Н. Особенности детско-родительских отношений в семье с ребёнком с отклонением в развитии.**

А вот наименее типичные формулировки, «выпадающие» из общего ряда:

1) Единица наблюдения № 28 (выпуск 2): Еремеев Б. А. *Интернет-реакции на флешмоб грудного вскармливания (предметно-ассоциативное структурирование)*;

2) Единица наблюдения № 77 (выпуск 5): **Волохонская М. С. Анализ романтического нарратива в фильме Х. Миядзаки «Ходячий замок».**

Проведено также сопоставление содержания в пяти сборниках. Учтено пересечение субъективной категоризации во всех десяти их парах: $n=5 \times (5-1):2=10$, – на предметном фоне из 251-й категории ($N=251$) (см. таблицу).

Таблица

Количественное описание структуры содержательной общности
между пятью сборниками по психологии семьи

Сборники	Категори и содержа ния (кол-во)	Пересечение категориальных составов (коэффициент корреляции Пирсона, r)				Положение в структуре содержательной общности	
		Вып.2	Вып.3	Вып.4	Вып.5	специфичн ость, sp , <i>радиан</i>	ранг общн о- сти
Вып.1. 2007	106	-0,04	-0,01	0,02	-0,08	1,598±0,02 5	4
Вып.2. 2008	84	x	0,10	0,04	-0,01	1,548±0,03 5	2
Вып.3. 2009	87		x	0,03	0,01	1,538±0,02 8	1
Вып.4. 2010	71			x	-0,09	1,571±0,03 5	3
Вып.5. 2011	70				x	1,614±0,02 9	5
Логическая сумма категорий (N)	251	Средняя арифметическая специфичности, \overline{sp} Её среднее квадратическое отклонение, σ Её ошибка, m (в <i>радианах</i>)				1,574 0,032 0,016	-

В результате оказалось, что общность категориальных составов, раскрывающих содержание сборников, статистически оценивается как случайная. Все коэффициенты корреляции (по Пирсону, для качественных признаков, или тетракорические показатели связи) практически близки к нулю.

Такой результат становится основанием для заключения о содержательной самостоятельности каждого сборника, о его содержательном своеобразии. И это при том, что каждый из них имеет элементы содержания и в разной степени общие с другими, и специфичные, имеющиеся только в этом сборнике.

Структурное описание предметной общности между содержанием пяти сборников обнаружило, что центральное положение в структуре занимает выпуск 3, а периферийное положение занимают выпуски 5 и 1. Можно предполагать, что содержательное своеобразие всех пяти сборников отображает *синхронию* исследований по психологии семьи, проведённых на кафедре психологии человека в 2007-2011 гг.

Таким образом, в данном случае при обобщающем описании содержания пяти сборников под общим названием: «Современные

проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции», – учтены два из трёх основных семиотических аспекта. В семантическом плане раскрыт устойчивый категориальный состав содержания всех пяти сборников. В синтаксическом плане на микро-уровне разведены более и менее типичные единицы содержания, взятые при его анализе в качестве *единиц наблюдения*. В том же плане на макро-уровне соотнесено содержание пяти взятых сборников.

Литература:

1. Еремеев Б. А. Ситуативно-функциональные показатели образованности // Проблемы и перспективы высшего гуманитарного образования в эпоху социальных реформ: Тезисы докладов научно-методической межвузовской конференции 17-19 февраля 1998 г. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 1998. С.164-165.
2. Еремеев Б.А. Структурность как интегративное свойство мнений о людях // Психология человека: интегративный подход в психологии: Сборник трудов. Вып.2. / Под науч. ред. В. Н. Панферова, Е. Ю. Коржовой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С.41-49.
3. Современные проблемы психологии семьи: Сб. статей / Под науч. ред. С. А. Векиловой. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2007. – 144 с.
4. Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып.2 / Под науч. ред. С. А. Векиловой. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2008. – 122 с.
5. Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып.3 / Под науч. ред. С. А. Векиловой. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2009. – 101 с.
6. Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып.4 / Под науч. ред. С. А. Векиловой. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2010. – 86 с.
7. Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып.5 / Под науч. ред. С. А. Векиловой. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2011. – 101 с.

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ

Начиная с 60-х годов 20 века, когда Джон Боулби подробно описал привязанность в детском возрасте, определил функции поведения привязанности, так же описал четыре стадии развития привязанности [2], теория привязанности активно развивалась. Последователь Боулби Мэри Эйнсворт в конце 70-х годов 20 века разработала метод оценки детской привязанности, а так же провела обширное исследование привязанности детей, названной «Незнакомой ситуацией» или «Ситуация чужого» [6,7]. Эйнсворт описала три типа привязанности к матери:

1. Тип А – небезопасная привязанность избегающего типа;
2. Тип В – надежная безопасная привязанность;
3. Тип С – привязанность тревожно-сопротивляющегося (амбивалентного) типа.

В 1990 году Мэйн и Соломон открыли четвертый Тип D - небезопасную привязанность дезорганизованного (дезориентированного) типа [11]. В теории привязанности детский возраст изучен и описан достаточно обширно. Большинство исследований младенцев и детей до 3 лет было проведено с помощью исследования поведения детей в «Незнакомой ситуации».

В конце 80-х годов Мэри Мэйн совершила прорыв в исследовании привязанности. Она с коллегами (Каплан, Кассиди, Голдвин) разработали «интервью Привязанности для взрослых» (Adult Attachment Interview - AAI). Данное интервью в основном включает вопросы, касающиеся детских воспоминаний испытуемого. На основе данного интервью М.Мэйн открыла типы привязанностей у взрослых:

1. Уверенные/самостоятельные рассказчики;
2. Отрицающие привязанность рассказчики;
3. Озабоченные, тревожные рассказчики [4].

В 1985 году была опубликована работа Мэйн, Каплан и Кэссиди [10], в которой сообщалось, что классификация представлений о привязанности родителей на основе оценки AAI значимо коррелирует с типами поведения их детей в «Незнакомой ситуации», полученными при обследовании пятью годами раньше. Таким образом, стало возможно исследовать привязанность у младенцев и у взрослых детей.

Кэтрин Кернс создала опросник для определения надежности привязанности ребенка в возрасте 8-12 лет к родителям (The Kerns Security Scale – KSS) [8,9]/ Опросник К. Кернс разработан для оценки того, как дети воспринимают надежность своих взаимоотношений с родителями, насколько защищенными они чувствуют себя в контексте этих взаимоотношений. Опросник содержит 15 парных утверждений, в каждом из которых ребенок должен выбрать верный, т.е. подходящий для него

вариант. Недостатком данной методики является то, что она определяет является ли привязанность ребенка к матери (отцу) надежной или ненадежной. Если привязанность у ребенка оказывается ненадежной, то методика не определяет, какая именно (из трех существующих) ненадежных привязанностей сформирована у данного ребенка.

Н.Каплан создала проективную методику для определения особенностей эмоциональной привязанности дошкольника и младшего школьника (5-8,5 лет) к матери [3]. В основу методики положено задание составить рассказ, опираясь на серию картинок, изображающих ситуацию разлуки ребенка с матерью, улетающей на самолете.

Таким образом, для исследования привязанности у детей младенческого возраста можно использовать «Незнакомую ситуацию» и наблюдать за реально проявленным поведением ребенка. Для исследования привязанности у детей дошкольного и младшего школьного возраста можно использовать проективную методику Каплан – рассказ, составленный по картинкам. Для определения типа привязанности в школьном возрасте (до подросткового) возможно использование методики Кернс. Для диагностики привязанности у взрослых людей, возможно использование интервью для взрослых (AAI). Таким образом, в результате независимой, но согласованной работы ряда авторов качество привязанности может использоваться, практически во всех возрастных группах, кроме подростковой.

Мы планируем провести исследование привязанности у взрослых, с помощью интервью о привязанностях. Привязанность у детей 8-12 лет определить при помощи методики Кернс. Так же нами планируется исследование привязанности у старших подростков. На основе интервью для взрослых М.Мэйн мы планируем создать опросник для подростков, для определения их типа привязанности к матери. Первой задачей широкомасштабного исследования привязанности на отечественной популяции является получение информации о диагностических возможностях подобранных методик, определение их валидности и надежности.

Так же нами планируется исследование влияния привязанности к матери на самоотношение у детей школьного возраста, подростков, а так же взрослых людей.

Литература:

1. Асанова Н.К. Интервью для взрослых о привязанностях/ Методическое пособие. М.: Институт детской психотерапии и психоанализа, 1997.
2. Боулби Джон. Привязанность: Пер. с англ. - М.: Гардарики, 2003.
3. Бурменская Г.В. Методики диагностики привязанности к матери ребенка дошкольного и младшего школьного возраста, Психологическая диагностика, 2005, №4
4. Крейн Уильям. Теории развития. Секреты формирования личности. Пятое международное издание. -СПб: прайм Еврознак, 2002.
5. Эйнсворт М. Д. Детско-материнская привязанность // Амер. Психол. ассоциация- 1979. - т. 11.
6. Ainsworth M.D.S. Attachment: Retrospect and prospect //Ed. by Parkes C.M., Stevenson-Hinde J. The place of attachment in human behavior. - N.-Y., 1982.
7. Ainsworth M.D.S., Blehar M., Warers E., Wall E. Patterns of Attachment. A psychological study of the strange situation. Hillsdale. - N.-Y.: Erlbaum Associates, 1987.
8. Kerns K., Klepac L., Cole A. Peer relationships and preadolescents' perceptions of security in the mother-child relationships // Developmental Psychology. – 1996. – Vol. 32. – P. 457–466.
9. Kerns K., Tomich P., Aspelmeier J., Contreras J. Attachment based assessments of parent child relationships in middle childhood // Developmental Psychology. – 2000. – Vol. 36. – P. 614–626.
10. Main M., Kaplan N., Cassidy J. (1985) Security in infancy, childhood, and adulthood: A move to the level of representation. In: Bretherton I., Waters E. (eds) Growing points of attachment theory and research. Monographs of the Society for research in child development, 50 (1-2, Serial No.209)
11. Main M., Solomon J. (1990). Procedures for identifying infants as disorganized/disoriented during the Ainsworth Stange Situation / Greenberg M.T., Cicchetti D., Cummings E.M. (Ed.) Attachment in the preschool years: Theory, research, and intervention. – Chicago: University of Chicago Press. – Pp. 121–160.

МЕЖВОЗРАСТНЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ ВО ВНУТРИСЕМЕЙНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Внутрисемейное взаимодействие – феномен многогранный, его эффекты и детерминанты крайне разнообразны. В данной статье фокус внимания сосредоточен на одном из аспектов внутрисемейного взаимодействия – поколенческих отношениях. По результатам проведенных нами ранее исследований можно утверждать, что в обыденном сознании «поколенческие отношения» в семье представлены, прежде всего, межвозрастной проблематикой, что неудивительно, поскольку сфера внутрисемейного взаимодействия предполагает реализацию поколенческих ролей, тесно связанных с возрастной принадлежностью людей.

Поколенческие роли в рамках одной семьи определенным образом соотносятся друг с другом в контексте проблемы распределения прав и обязанностей, возможностей и ограничений, что в реальной жизни экстраполируется людьми и на возрастную принадлежность членов семьи. Все это создает благоприятную почву для возникновения особого эффекта внутрисемейного взаимодействия – межвозрастных манипуляций.

В психологии манипуляция понимается как вид психологического воздействия, при котором один участник («субъект манипуляции») намеренно и скрыто побуждает другого («объекта манипуляции»), к совершению необходимых ему действий (Доценко Е.Л., 2000). Межвозрастная манипуляция, таким образом, может рассматриваться как вид манипуляции, где мишенями воздействия становятся характеристики, сопряженные с возрастными ролями участников взаимодействия. «Субъект» манипуляции апеллирует к нормативному содержанию собственной возрастной роли и возрастной роли «объекта», в результате чего воздействие осуществляется на основе стремления «объекта» к ролевому соответствию в контексте более общей задачи – поддержания позитивной возрастной идентичности.

В основе межвозрастной манипуляции лежит стратификация возрастных отношений (Смелзер Н., 1994), затрудняющая реализацию практик равноправного взаимодействия. Амбивалентность возрастных представлений, представленных в общественном сознании, позволяет «субъекту» манипуляции использовать разные виды «пристроек» – и «снизу», и «сверху», вне зависимости от собственной возрастной роли.

Проведенное нами исследование было направлено на изучение эффектов межвозрастных манипуляций, типичных для внутрисемейного взаимодействия. В нем приняли участие 182 человека – членов трехпоколенных семей. Совместное проживание всех поколений семьи не являлось обязательным условием, однако в выборку включались только те испытуемые, которые на этапе предварительного анкетирования

характеризовали свои контакты с представителями других поколений семьи как постоянные. 67 человек из числа опрошенных в возрасте от 14 до 19 лет относились к «младшему» поколению семьи, 64 человека в возрасте от 37 до 57 лет – к «среднему» (обязательное условие – наличие детей подросткового и юношеского возраста), 51 человек в возрасте от 59 до 84 лет – к «старшему» (обязательное условие – наличие внуков подросткового и юношеского возраста). Для удобства изложения в дальнейшем исследуемые группы будут называться выборками «детей», «родителей» и «бабушек и дедушек». Подробная характеристика выборки представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Характеристика исследуемой выборки

Исследуемые группы	Возраст испытуемых	Количество испытуемых, в том числе		
		мужчин	женщин	всего
«дети»	14-19 лет	22	45	67
«родители»	37-57 лет	27	37	64
«бабушки и дедушки»	59-84 лет	21	30	51

В соответствии с целью исследования была разработана анкета, включающая в себя восемь проективных ситуаций, признанных экспертами (n=18 человек) наиболее вероятными в реальных практиках внутрисемейных отношений. При разработке анкеты ситуации были сгруппированы таким образом, чтобы в них в качестве субъектов манипуляции выступали представители разных поколений семьи: «дети» (Д), «родители» (Р) и «бабушки и дедушки» (БД). Помимо этого, ситуации группировались по критерию использования разных видов манипуляции: «манипуляция сверху» (Св) и «манипуляция снизу» (Сн). На основе экспертных оценок из 48 ситуаций были отобраны 24, по 8 для каждой выборки:

1. Ситуации, предлагаемые «детям»:

- Бабушка или дедушка говорят: «У тебя что-то случилось? Поверь, я уже столько прожил(а), столько повидала, что сумею помочь тебе хорошим советом» (БД, Св)
- Бабушка или дедушка говорят: «Я тебя старше в 4 раза, и поэтому имею право повышать на тебя голос, а ты должен(на) молчать и слушать!» (БД, Св)
- Бабушка или дедушка говорят: «Вы совсем про меня забыли. Не приезжаете, не звоните... Я никому не нужная старая бабка (старый дед)...» (БД, Сн)
- Бабушка или дедушка говорят: «Внучок, я уже такая(ой) старая(ый), последние денечки доживаю, а ты своим поведением хочешь меня в могилу свести?» (БД, Сн)
- Родители говорят: «Вот когда вырастешь и начнешь работать, тогда и будешь распоряжаться!» (Р, Св)

- Родители говорят: «Я человек взрослый и несу за тебя ответственность, поэтому делай так, как я говорю!» (Р, Св)
 - Родители говорят: «Мы уже отстали от жизни, мало что в ней понимаем, потому думаем, что со своими проблемами ты как-нибудь справишься без нашей помощи» (Р, Сн)
 - Родители говорят: «Ты у нас уже вырос(ла), а мы, наоборот, с каждым днем стареем, нам тяжело. Думаем, ты должен взять часть работы по дому на себя» (Р, Сн)
2. Ситуации, предлагаемые «родителям»:
- Родители говорят: «Доченька, что у тебя случилось? Поверь, я уже столько прожил(а), столько повидал(а), что сумею помочь тебе хорошим советом» (БД, Св)
 - Родители говорят: «Я старше тебя в два раза, поэтому имею право повышать на тебя голос, а ты должен(на) молчать и слушать!» (БД, Св)
 - Родители говорят: «Вы совсем про нас забыли. Не приезжаете, не звоните... Мы никому не нужные старики...» (БД, Сн)
 - Родители говорят: «Мы такие старые, последние денечки доживаем, а ты своими поступками хочешь нас в могилу свести?» (БД, Сн)
 - Ребенок говорит: «Я еще несовершеннолетний, и имею право ничего не делать по дому» (Д, Св)
 - Ребенок говорит: «Не смейте повышать на меня голос! В нашей стране есть закон о защите прав ребенка!» (Д, Св)
 - Ребенок говорит родителям: «Вы же взрослые, умные люди! Вы должны поддержать своего неразумного ребенка» (Д, Сн)
 - Ребенок говорит: «Неудивительно, что у меня теперь сплошные «тройки», мне стало сложнее учиться... Наверно, у меня подростковый кризис. Вы же помните, как это тяжело?» (Д, Сн)
3. Ситуации, предлагаемые «бабушкам и дедушкам»:
- Дети говорят: «Мам, тебе в твоём возрасте все равно деньги тратить не на что, а нам нужны деньги на новую квартиру...» (Р, Св)
 - Сын или дочь говорит: «Поверьте, со времен вашей молодости все изменилось, я значительно лучше, чем вы, понимаю нынешнюю жизнь, поэтому сделаем по-моему» (Р, Св)
 - Дети говорят: «Вы совсем про нас забыли. Нам без вас, с вашим опытом, не справиться» (Р, Сн)
 - Сын или дочь говорит: «Я на работе надрываюсь, сил нет совсем. Мамочка, ты же на пенсии, у тебя дел никаких нет, возьми хозяйство на себя» (Р, Сн)
 - Внук или внучка говорит: «Зачем тебе отдельная комната? Ты же уже старая (-ый)! А ко мне друзья часто приходят» (Д, Св)
 - Внук или внучка говорит: «Бабуля, не лезь в мои дела, ты отстала от жизни!» (Д, Св)
 - Внук или внучка говорит: «Дедушка, ну ты же помнишь свою молодость! Поговори с мамой, чтобы она мне разрешила...» (Д, Сн)

- Внук или внучка говорит: «Неудивительно, что у меня теперь сплошные «тройки», мне стало намного сложнее учиться. Наверно, у меня подростковый кризис... Вы же помните, как это тяжело?» (Д, Сн)

Приведенные ситуации сопровождались инструкцией, придававшей исследованию проективный характер: «Ниже приведены ситуации, в которые люди иногда попадают в общении со своими родственниками. Укажите, пожалуйста, как в таких ситуациях обычно ведет себя человек Вашего возраста и что он при этом думает?». Анкета было представлена в виде таблицы, в которой в первом столбце располагались проективные ситуации, а второй («Что человек делает?») и третий («Что человек думает?») предназначались для ответов испытуемых.

При анализе результатов можно описать эффекты межвозрастных манипуляций во внутрисемейном взаимодействии на двух уровнях: на уровне ответных действий и на уровне ответных мыслей, причем они могут оказаться несовпадающими. Помимо качественного анализа ответов испытуемых, нам представляется возможным ввести количественный показатель «степень вовлеченности в межвозрастные манипуляции», характеризующий эффективность манипуляции, исходя из следующих соотношений ответов в столбцах «Что делает?» и «Что думает?»:

- несогласие с манипулятивным аргументом собеседника как на уровне поведения, так и на уровне осмысления ситуации – 0 баллов, испытуемый не вовлекается в манипулятивное взаимодействие с апелляцией к возрасту;
- согласие с манипулятивным аргументом собеседника на уровне поведения при несогласии на уровне осмысления ситуации – 1 балл, испытуемый готов продемонстрировать ожидаемое манипулятором поведение при внутренней устойчивости к ситуации манипуляции;
- несогласие с манипулятивным аргументом собеседника на уровне поведения при согласии на уровне осмысления ситуации – 2 балла, испытуемый не демонстрирует ожидаемого манипулятором поведения при внутреннем согласии с манипулятивными аргументами, апеллирующими к возрасту;
- согласие с манипулятивным аргументом собеседника как на уровне поведения, так и на уровне осмысления ситуации – 3 балла, испытуемый вовлекается в манипулятивное взаимодействие с апелляцией к возрасту.

Подобный количественный показатель может быть получен для каждой отдельной ситуации, после чего показатели могут быть суммированы по ситуациям, относящимся к одной категории. Таким образом, суммарный показатель вовлеченности в манипуляции каждого типа будет находиться в диапазоне от 0 до 6 баллов

Результаты, полученные в нашем исследовании с применением приведенной выше шкалы, представлены в таблице 2:

Таблица 2

Средние значения показателей вовлекаемости в межвозрастные манипуляции во внутрисемейном взаимодействии

Выборки (объекты манипуляции)	Средние значения показателей вовлекаемости в межвозрастные манипуляции					
	со стороны «детей»		со стороны «родителей»		со стороны «бабушек и дедушек»	
	Св	Сн	Св	Сн	Св	Сн
«Дети»	-	-	3,05	3,71	3,07	5,64
«Родители»	2,96	4,88	-	-	3,86	5,42
«Бабушки и дедушки»	2,84	3,81	4,45	4,83	-	-

Результаты исследования показывают, что наименьшую действенность имеют межвозрастные манипуляции со стороны «детей» (усредненное значение по всем показателям составляет 3,61), наибольшую – межвозрастные манипуляции со стороны «бабушек и дедушек» (4,52). «Родители» занимают в этом ряду промежуточное положение (4,03).

При этом во всех без исключения ситуациях внутрисемейного взаимодействия межвозрастная манипуляция «снизу» оказывается более эффективной, чем манипуляция «сверху».

В частности, эта закономерность проявляется при взаимодействии «бабушек и дедушек» с представителями младших поколений семьи. Межвозрастная манипуляция «снизу» со стороны «бабушек и дедушек» оказывается достоверно более эффективной, чем «сверху», во взаимодействии как с «детьми» (5,64 против 3,07, $U_{эмп}=922,5$, $\alpha<0,01$), так и с «родителями» (5,42 против 3,86, $U_{эмп}=954$, $\alpha<0,01$).

Аналогичная закономерность выявляется и в анализе эффективности межвозрастных манипуляций, субъектами которых выступают «дети»: как для «родителей» (4,88 против 2,96, $U_{эмп}=842$, $\alpha<0,01$), так и для «бабушек и дедушек» (3,81 против 2,84, $U_{эмп}=966,5$, $\alpha<0,05$) их манипуляции «снизу» оказываются более действенными.

В ситуациях, когда субъектами манипуляции выступают «родители», относительная эффективность межвозрастных манипуляций «снизу» в сравнении с возрастными манипуляциями «сверху» прослеживается на уровне тенденций.

Полученные в исследовании результаты противоречат нашей первоначальной гипотезе, содержащей предположение о том, что более эффективный вид манипулятивной «пристройки» («сверху» или «снизу») будет определяться статусными характеристиками возрастной группы, к которой принадлежит манипулятор. Для выборок «детей» и «бабушек и дедушек» в этой связи приоритет манипуляций «снизу» оказался вполне ожидаемым, тогда как применительно к выборке «родителей» наибольшая эффективность ожидалась от манипуляций «сверху». Вероятное разрешение этого противоречия было обнаружено в процессе качественного анализа полученного материала.

Первичному контент-анализу были подвергнуты 2132 ответа испытуемых, полученных в ходе анкетирования. Поскольку манипулятивное взаимодействие опирается на неравнозначность контроля общающихся за происходящим, в качестве категорий контент-анализа были выбраны характеристики позиций «объектов» манипуляции в континууме «доминирование-подчинение» для описания ответных действий и распределения ответственности для описания сопровождающих их мыслей.

В таблице 3 представлены результаты контент-анализа ответов испытуемых, описывающих реакции «родителей» (Р) и «бабушек и дедушек» (БД) на межвозрастные манипуляции, субъектами которых выступают «дети».

Таблица 3.

Результаты контент-анализа, характеризующие реакции «родителей» и «бабушек и дедушек» на межвозрастные манипуляции со стороны «детей» (в таблице представлены удельные частоты встречаемости категорий)

Категории контент-анализа		«Объекты» манипуляции			
		«сверху»		«снизу»	
		Р	БД	Р	БД
«Действия»	Доминирующая позиция	0,596	0,474	0,232	0,386
	Подчиняющаяся позиция	0,216	0,301	0,340	0,509
	Равноправная позиция	0,188	0,089	0,428	-
	Позиция избегания	-	0,136	-	0,087
«Мысли»	Локус на «ребенке»	0,288	0,165	0,305	0,283
	Локус на себе	0,559	0,461	0,621	0,657
	Локус вне осмысления текущей ситуации	0,153	0,374	0,074	0,060

Результаты контент-анализа позволяют утверждать, что «родители» в большей степени, чем «бабушки и дедушки», отвечают на попытки младшего поколения осуществить межвозрастную манипуляцию «сверху» с позиции доминирования (0,596 против 0,474). При этом «родители» выражают свою доминирующую позицию более активно («наказывают», «требуют сменить тон разговора», «напоминают, кто зарабатывает деньги» и т.д.), тогда как «бабушки и дедушки» чаще всего реализуют свою доминирующую позицию через мотивированный или немотивированный отказ в ответ на просьбу «ребенка». Старшее поколение семьи чаще готово подчиниться манипуляции «ребенка», в меньшей степени, чем «родители», ориентировано на достижение равного контроля над происходящим, и, кроме того, в отличие от «родителей», зачастую демонстрирует избегающее поведение (0,136), которое выражается, прежде всего, в перекладывании ответственности на «родителей» («Я все расскажу отцу!», «Спроси у родителей» и т.д.).

Более высокая ответственность «родителей» прослеживается и при анализе локуса их размышлений: он значительно реже, чем у представителей старшего поколения семьи, смещается за пределы текущей ситуации (0,153 против 0,374), что выражается, например, в общих размышлениях об устройстве жизни, ее справедливости и т.д. В целом локус осмысления ситуации и «родителями», и «бабушками и дедушками» чаще связан с собственной персоной, чем с ребенком – «субъектом» манипуляции (0,559 и 0,461 соответственно), однако его содержание принципиально различается: «родители» прежде всего рефлексиируют недостатки собственного воспитательного подхода и пути их преодоления («мы его плохо воспитали», «его надо как-то заинтересовать», «может, надо лишить его карманных денег?» и т.д.), тогда как «бабушки и дедушки» преимущественно опираются на позитивные элементы собственной возрастной идентичности («у меня огромный опыт», «я заслужил уважения», «мне еще далеко до маразма» и др.). Локус «на ребенка» для представителей обоих поколений выражается в наделении его негативными характеристиками: «нахал», «лентяй» и т.д.

В ситуации, когда «ребенок» манипулирует «снизу», наблюдается иная картина: «бабушки и дедушки» в большей степени склонны подчиняться такой манипуляции («соглашаться», «помогать» и т.д., 0,509), «родители» - искать пути распределения ответственности («выслушать», «обсудить» и т.д., 0,340). При этом «бабушки и дедушки» и в этом случае не склонны к разделению ответственности с «ребенком», зато готовы переложить ее на «родителей» («мама лучше знает», «попроси помощи у родителей» и т.д., 0,087).

При осмыслении ситуации представители обоих поколений реже отходят от текущего вопроса (в выборке «бабушек и дедушек» различия с аналогичным показателем в ситуации манипуляции «сверху» статистически достоверны, критерий φ^* , $\alpha < 0,05$). Изменяется содержательная сторона ответов. В обеих выборках категория «локус на ребенке» приобретает второй полюс (помимо негативных характеристик добавляются «сочувствующие»: «ему действительно трудно», «он очень устает» и т.д.). Категория «локус на себе» содержательно изменяется в сторону от «какие воспитательные меры применить?» к «как помочь?», и, что немаловажно, противопоставление своего поколения молодому, наблюдавшееся в ответных реакциях на попытки «ребенка» манипулировать «снизу» («у нас не было никакого кризиса», «со мной ничего такого не случилось» и т.д., 0,134 и 0,098 в выборках «родителей» и «бабушек и дедушек» соответственно), дополняется указанием сходства ситуации ребенка с собственным жизненным опытом: «у меня тоже так было», «конечно, я помню» и т.д. (0,095 и 0,069).

В таблице 4 представлены результаты контент-анализа ответов испытуемых, описывающих реакции «детей» (Д) и «бабушек и дедушек» (БД) на межвозрастные манипуляции, субъектами которых выступают «родители».

Таблица 4.

Результаты контент-анализа, характеризующие реакции «детей» и «бабушек и дедушек» на межвозрастные манипуляции со стороны «родителей» (в таблице представлены удельные частоты встречаемости категорий)

Категории контент-анализа		«Объекты» манипуляции			
		«сверху»		«снизу»	
		Д	БД	Д	БД
«Действия»	Доминирующая позиция	0,601	0,418	0,315	0,238
	Подчиняющаяся позиция	0,281	0,453	0,685	0,762
	Равноправная позиция	-	0,031	-	-
	Позиция избегания	0,118	0,138	-	-
«Мысли»	Локус на «родителей»	0,609	0,615	0,597	0,318
	Локус на себе	0,391	0,385	0,318	0,611
	Локус вне осмысления текущей ситуации	-	-	0,085	0,071

Из таблицы 4 очевидно, что в ситуации, когда «родители» манипулируют «сверху», «дети» склонны демонстрировать в ответ поведение, которое формально можно отнести к доминирующему (0,601), однако, на деле, оно таковым является не в полной мере. Оно выражается в «несогласии», «возмущении», «скандале», «качании прав» и т.д., то есть в действиях, не подкрепленных реальными ресурсами влияния. Реже проявляется позиции подчинения (0,281) и избегания ситуации (0,118). Ответов, которые могли бы быть отнесены к категории «равноправная позиция», в этой выборке не оказалось. Старшее поколение семьи чаще готово занимать подчиняющуюся позицию, соглашаясь с требованиями среднего (0,453), либо, напротив, доминировать, апеллируя к своим правам (0,418).

По сравнению с межвозрастной манипуляцией, субъектом которой выступает «ребенок», в данном случае локус осмысления ситуации достоверно смещается с поведения «объекта» манипуляции на самого субъекта (в выборках «детей» и «бабушек и дедушек» различия статистически достоверны, критерий χ^2 , $\alpha < 0,01$). В выборке «детей» осмысление протекает в контексте континуума «правоты-неправоты родителей», причем удельные веса этих полюсов примерно равны. Особняком стоит параметр родительской работы, удельный вес которого в структуре осмысления ситуации межвозрастной манипуляции «сверху» со стороны «родителей» в выборке «детей» составляет 0,042. В выборке представителей старшего поколения эту категорию составляют негативные («эгоисты», «фашисты» и др.) и относительно нейтральные («еще мало пожилы», «повзрослеют – поумнеют» и т.д.) характеристики.

При таком осмыслении ситуации межвозрастной манипуляции «сверху» со стороны «родителей», когда локус осмысления направлен объектом манипуляции на самого себя, в выборке «детей» преимущественно решается вопрос «кто принимает решения?», а в

выборке «бабушек и дедушек» - «кто о ком заботится?». Распределение удельной частоты ответов на первый вопрос составляет 0,033 на 0,198 в пользу «детей», и 0,174 на 0,099 в пользу «бабушек и дедушек» соответственно. Таким образом, «дети» не признают за «родителями» права принимать решения, касающиеся их собственной жизни, вопреки существующим в обществе возрастным представлениями. Ответы, полученные в выборке представителей старшего поколения, в свою очередь, тоже вступают в противоречие с традиционными возрастными представлениями, предписывающими статус «заботящихся» поколению «родителей».

При межвозрастной манипуляции «родителей» «снизу» старшее и младшее поколение семьи достоверно чаще занимают подчиняющуюся позицию (критерий ϕ^* , $\alpha < 0,01$), соглашаясь выполнить их просьбы (0,685 и 0,762 соответственно). Доминирующая позиция встречается значительно реже и выражается преимущественно в конфликтующем поведении «детей» («ссоре», «скандале», «конflikте» и т.д., 0,315) и в мотивированном отказе от выполнения просьбы со стороны представителей старшего поколения («у меня своя жизнь», «мне уже здоровье не позволяет» и т.д., 0,238).

Существенное отличие в реакции старшего и младшего поколения наблюдается при анализе категорий осмысления ситуации. Осмысление ситуации «детьми» сосредотачивается вокруг поведения родителей (0,597), их прав и обязанностей («родители должны...», «они отлынивают от своих прямых обязанностей» и т.д.). Рефлексия собственной позиции встречается здесь существенно реже (например, «видимо, мне пора искать работу» и т.д., 0,318). Ответы представителей старшего поколения, напротив, сфокусированы вокруг собственной позиции (0,611): «у меня своя жизнь», «мне в свое время никто не помогал», «я не могу сидеть без дела» и т.д.

В таблице 5 представлены результаты контент-анализа ответов испытуемых, описывающих реакции «детей» (Д) и «родителей» (Р) на межвозрастные манипуляции, субъектами которых выступают «бабушки и дедушки».

Опираясь на результаты, представленные в таблице 5, можно констатировать, что наиболее эффективной межвозрастной манипуляцией представителей старшего поколения семьи также является манипуляция «снизу». В этом случае подчиненную позицию («оправдываться», «извиняться», «изменять свое поведение» и т.д.) склонны занимать как «дети» (0,892), так и «родители» (0,833). Остальные категории контент-анализа встречаются в ответах испытуемых достоверно реже (критерий ϕ^* , $\alpha < 0,01$ для обеих выборок). Локус осмысления ситуации в обеих выборках в этом случае преимущественно сосредоточен на себе (0,644 в выборке «детей» и 0,784 в выборке «родителей»), содержательно выражается мыслями о необходимости «заботиться о старших», «помогать им», «не навредить им» и т.д. Особое место занимает идея о том, что «я сам когда-

нибудь стану старым» в различных вариациях (0,103 и 0,279 в выборках «детей» и «родителей» соответственно).

Таблица 5.

Результаты контент-анализа, характеризующие реакции «детей» и «родителей» на межвозрастные манипуляции со стороны «бабушек и дедушек» (в таблице представлены удельные частоты встречаемости категорий)

Категории контент-анализа		«Объекты» манипуляции			
		«сверху»		«снизу»	
		Д	Р	Д	Р
«Действия»	Доминирующая позиция	0,404	0,272	0,049	0,103
	Подчиняющаяся позиция	0,130	0,301	0,892	0,833
	Равноправная позиция	-	-	0,059	0,041
	Позиция избегания	0,466	0,427	-	0,023
«Мысли»	Локус на «бабушек и дедушек»	0,859	0,591	0,336	0,216
	Локус на себе	0,141	0,283	0,644	0,784
	Локус вне осмысления текущей ситуации	-	0,126	-	-

В случае, когда «бабушки и дедушки» используют манипуляцию «сверху», и «дети», и «родители» предпочитают избежать развития ситуации (0,466 и 0,427 соответственно) «промолчав», «поменяв тему» и т.д. Кроме того, в этом случае «дети» выбирают и позицию доминирования (например, «возмущаются», «отказываются слушать» и т.д., 0,404), а «родители», в свою очередь, в большей степени готовы подчиниться («согласиться», «послушать» и т.д., 0,301). Локус осмысления ситуаций, напротив, перемещается на «бабушек и дедушек», причем оба младших поколения приписывают им как положительные («заботятся», «переживают», «нуждаются во внимании» и т.д.), так и отрицательные («опять хотят достать», «снова этот маразм» и т.д.) мотивы приблизительно в равном соотношении.

Таким образом, по результат проведенного исследования можно утверждать, что наименьшую действенность имеют межвозрастные манипуляции, субъектами которых выступают «дети», наибольшую – представители старшего поколения семьи.

Во всех без исключения ситуациях внутрисемейного взаимодействия межвозрастная манипуляция «снизу» оказывается более эффективной, чем манипуляция «сверху». Попытки манипуляции «сверху» со стороны представителей старшего поколения чаще всего наталкиваются на доминирующую позицию как «родителей», так и «бабушек и дедушек». Аналогичные действия «бабушек и дедушек», напротив, актуализируют у «детей» и «родителей» стремление избежать общения с ними. И только применительно к выборке «родителей» можно говорить о крайне слабо выраженной, статистически недостоверной тенденции относительно большей эффективности манипуляции «сверху» в ситуации взаимодействия с представителями старшего поколения семьи.

Этот факт может объясняться исходя из представлений о культуральной обусловленности эффективности манипуляций, согласно которым для российской культуры манипуляция «снизу» заведомо эффективнее, чем манипуляция «сверху» (Сидоренко Е.В., 2004). Однако для среднего поколения семьи эффективность межвозрастной манипуляции «снизу» вступает в противоречие с их возрастным статусом и сопровождается несколькими интересными эффектами.

Во-первых, апелляция к собственному возрасту во взаимодействии «родителей» с представителями других поколений семьи, судя по всему, рассматривается последними как неконструктивный аргумент. Такое поведение «родителей» смещает локус внимания «объектов» манипуляции с собственного «личностного ответа» на осмысление поведения манипулирующего субъекта. Если у «детей» в подобных ситуациях помимо негативных оценок родительского поведения актуализируются и позитивные, то «бабушки и дедушки» осмысливают их преимущественно через призму негативных характеристик. При межвозрастных манипуляциях, осуществляемых представителями младшего и среднего поколений семьи, такого эффекта не наблюдается.

Во-вторых, в ситуации межвозрастной манипуляции со стороны «родителей» не проявляется эффект субъективной проницаемости границ возрастных групп, который лежит в основе эффективной манипуляции «снизу» в исполнении представителей старшего и младшего поколения и заключается в нахождении «объектом» манипуляции сходств с субъектом.

В-третьих, при осмыслении «детьми» и «бабушками и дедушками» ситуаций манипулятивного воздействия «родителей» представителям среднего поколения отказывается в реализации функций принятия решений и заботы, предписываемых традиционными возрастными представлениями, при том, что их собственное поведение интерпретируется представителями других поколений в рамках этих представлений.

В целом, по результатам исследования можно предполагать, что представители разных поколений семьи обладают неравноценными возможностями реализации своих возрастных функций во внутрисемейном взаимодействии. Если представители старшего и младшего поколения в целом реализуют свои возрастные роли в соответствии с традиционными возрастными представлениями, то «родители» оказываются в ситуации затрудненной возможности реализации своих возрастных функций во внутрисемейном взаимодействии, что по всей вероятности, может провоцировать рост неудовлетворенности как взаимодействием с другими членами семьи, так и самим собой. Это предположение, однако, нуждается в дополнительной эмпирической проверке.

Литература:

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо; МГУ, 2000. – 344 с.
2. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. — СПб.: Речь, 2004. – 256 с.
3. Смелзер Н. Социология. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ И СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ НА ЭТОМ ЭТАПЕ

Последние годы в нашей стране стало много внимания уделяться устройству детей-сирот в приемные семьи. Муниципальные органы опеки и попечительства тесно сотрудничают с учреждениями, где находятся дети, лишенные родительского внимания. С другой стороны, все больше семей принимают решение взять к себе на воспитание чужого ребенка.

Этому главным образом способствует широкое распространение информации о процессе усыновления, об опыте семей, уже имеющих приемных детей. Тема усыновления в положительном аспекте широко освещается в СМИ. Существуют большие тематические форумы в интернете, специальные журналы.

Позитивно также и то, что основной целью органов опеки и попечительства становится подбор подходящей для ребенка семьи, а не наоборот. В таком случае усыновление чаще всего бывает успешным.

Для будущих приемных родителей тоже разработано много полезного. Существуют курсы и тренинги, специальные школы принимающих родителей, в интернете кроме форумов есть сайты с анкетами детей, при сиротских учреждениях существуют службы сопровождения приемного родительства, специалисты которых помогают семьям пройти нелегкий период адаптации ребенка и перестройки семейных взаимоотношений.

Принятие ребенка в семью – это особенный шаг, крайне серьезное решение. В некотором смысле оно сложнее, чем многие другие. Например, люди женятся и рожают собственного ребенка, потому что любят друг друга. Решение же об усыновлении приходит по-разному. Часто мотивом становится сюжет телевизионной программы, вызвавший острое чувство жалости к брошенному малышу, в других случаях взрослому чего-то не хватает в собственной жизни, и ему кажется, что ребенок своим появлением это исправит.

Принимающие семьи обычно делятся на две категории. Это семьи с большим ресурсом: есть свои дети, и готовы взять еще. И семьи, где ресурсы ограничены: из-за сложностей со здоровьем нет собственных детей, или взрослый не может найти себе партнера, а годы идут, или семья потеряла собственного кровного ребенка и старается заполнить пустоту.

Уже на этом этапе семье или одинокому родителю важно получить квалифицированную консультацию психолога, работающего с усыновителями. В Петербурге существует сеть «Центров помощи семье и детям», а также «Школа приемных родителей» на Московском проспекте, дом 104.

Как считают специалисты, еще в самом начале, будущий родитель должен определиться, какие мотивы им движут на самом деле. Обычно

говорят: помочь несчастному ребенку, спасти от сиротства, однако часто мотивы не так однозначны и сложно переплетены, а также связаны с историей жизни самого взрослого.

Мотивации приемного родительства можно разделить условно на две группы: «позитивные» и «негативные».

В процессе разговора психолог должен понять, что движет человеком, порой.

Если это: реализация родительских чувств, помощь конкретному ребенку, желание поделиться всем, что имеешь, в том числе передать и духовные ценности семьи – то мотивация оценивается как положительная. Если же из разговора становятся очевидными корыстные интересы, например: увеличение жилой площади, повышение материального достатка за счет опекаемого ребенка, удовлетворение амбиций, стремление быть как все, найти в приемном ребенке замену умершему члену семьи, восполнение внутренней пустоты – эти мотивы оцениваются как негативные.

Случается и двоякая мотивация, например, желание иметь многодетную семью, или наоборот, преодолеть собственное одиночество.

На этом этапе от психолога требуется особенно высокий уровень профессионализма и такт. Важно из одной беседы составить общее представление о семье, чтобы рекомендовать ей прохождение школы приемных родителей, или отговорить пришедших на консультацию от скорого и необдуманного шага. Это крайне важный этап! От него может зависеть будущее, как усыновляемого ребенка, так и приемной семьи.

После первичного «отбора», будущие усыновители получают направление на обучение в «Школу приемных родителей». «Школы приемных родителей» могут быть на базе государственных учреждений, а также общественных организаций, таких как общественные благотворительные фонды и некоммерческие организации «Родительский мост», «Врачи - Детям», «Everychild», и других.

Программы школ приемных родителей обязательно включают в себя следующие курсы:

1. Юридические аспекты усыновления: документы ребенка, принимающей семьи, подготовка пакета документов к суду.
2. Медицинская консультация. Все дети имеют те или иные истории болезни, иногда у них целый «букет» диагнозов, который отпугнет самого решительного взрослого. Но часто оказывается, что эти диагнозы ставят детям формально, потому что «положено», потому что малыш находится в заведении определенного типа. Компетентный специалист объяснит, чего опасаться на самом деле, что можно скорректировать, а что будет ребенок нести с собой через всю жизнь. Также обязательно будут затронуты вопросы возрастной психологии.
3. Большой блок в обучении составляет собственно психологический тренинг. Часто в нем используются групповые арт-терапевтические методы, методы группового консультирования, различные

аналитические упражнения. Цель тренинга, помочь принимающим родителям: осознать свою мотивацию, определить свои ожидания, проанализировать историю своей жизни и историю семьи, подготовиться к возможным трудностям и создать сообщество, поддерживающую среду из принимающих семей и помогающих специалистов.

Обучение в Школе приемных родителей может быть коротким, и ограничиться 4-мя лекциями, а может происходить на протяжении нескольких месяцев. Важно, чтобы родитель проявил заинтересованность, но иногда психолог слышит другое: будущие родители говорят, что им некогда посещать семинары из-за занятости, или они итак «все знают». Это должно насторожить специалистов службы сопровождения - найдется ли в таком случае у родителей время на самого ребенка?

После окончания «Школы», или еще во время ее посещения, потенциальные родители выезжают с волонтерскими визитами в сиротские учреждения. Участвуют в организации праздников, мастер-классов, спортивных соревнований для детей. Такие выездные занятия, где можно наблюдать жизнь реальных воспитанников детских домов и интернатов ни в коем случае нельзя игнорировать. Эмоциональную составляющую таких поездок трудно переоценить. Часто как раз на этом этапе принимается окончательное решение: берем! Такие выезды организуют специалисты службы сопровождения принимающих семей, которые помогают будущим родителям правильно себя вести с детьми. А это очень важно, ведь каждый ребенок в детском доме, видя нового взрослого, старается ему понравиться, надеясь, что пришли именно за ним, что это его родители, что заберут домой.

Одновременно начинается длинный марафон по сбору бумаг, прохождению медкомиссии, и - Выбор.

Выбор ребенка особенный этап в жизни семьи. Кого взять? Мальчика или девочку, одного или сразу двух, какого возраста, с какой историей жизни и т.д.

В некоторых западных странах усыновителям предлагают выбрать возраст ребенка, пол, цвет кожи и глаз. Фотографий не показывают. И выбрать можно только один раз. Если семья отказывается от предложенного ребенка, то исключается из базы принимающих родителей.

В нашей российской действительности люди могут выбирать, так как детей, лишенных родительской опеки очень много.

На данном этапе поддержка специалистов службы сопровождения особенно необходима. От их опыта, компетенции, иногда от интуиции зависит, как сложится новая семейная система.

Здесь необходимо заметить, что некоторым детям в семье находиться тяжелее, чем в учреждении. У них не формируются в силу различных причин эмоциональные связи и привязанности. Попадая в семью такой ребенок не получая никакой пользы для себя, деструктивно влияет на принимающую семью.

Именно служба сопровождения, обычно она входит в структуру общественной организации, поддерживает семью продолжительное время: в период оформления документов, на стадии суда, и после попадания ребенка в семью.

Специалисты психологи и социальные педагоги оказывают помощь всем членам принимающей семьи на этапе подготовки, а также непосредственно после размещения ребенка. Такое сопровождение продолжается в среднем около трех лет, а иногда помощь специалистов востребована и до достижения ребенком совершеннолетия.

Одной из опасностей в работе службы сопровождения может стать нарушение баланса во вмешательстве в семейную ситуацию. Специалисты должны быть готовы мягко корректировать возникшие трудности в семье, предупреждать их вместе с родителями (но не вместо них), назревающие кризисные состояния, но не брать на себя большую часть ответственности за складывающуюся ситуацию. Иногда грубое, некомпетентное вмешательство может приводить к вторичному отказу от ребенка, эмоциональное отторжение его из-за непонимания специалистами всей сложности ситуации в семье.

В среднем, период адаптации ребенка длится около года. В самом начале идет период благополучия, так называемый «медовый месяц». Ребенок счастлив, старается быть хорошим, слушается и всячески радует родителей. Однако спустя короткое время, от нескольких дней, до месяца-двух, ребенок «оттаивает», начинает вести себя естественно, выплескивает негативные эмоции, накопившиеся за все время нахождения в сиротском учреждении. Этот период очень труден для родителей, но они должны быть готовы к нему, и понимать, что трудности эти - временные. Иногда в этот сложный период происходят повторные отказы от ребенка, возвраты в учреждения. Для детей любого возраста это оборачивается психологической травмой, утратой доверия к взрослым, разрушением эмоциональной сферы. Могут развиваться тяжелые соматические заболевания, усиливаться существующие дефекты.

Именно в этот период важнейшую роль в поддержке семьи играет служба сопровождения. Важно умело поддерживать семью на этапе адаптации, а не предъявлять претензии в «неготовности», чтобы не потерять доверительных отношений с обращающимися за помощью родителями.

Большую помощь оказывает также общение принимающих семей между собой. Организуются группы поддержки, совместные поездки и праздники, налаживается взаимопомощь. Это особенно ценно, потому что общение идет на равных, родители делятся опытом и понимают трудности своих «коллег» более чем кто-либо другой.

Пройдя все трудности от принятия решения об усыновлении или опеке до окончания адаптации ребенка в принимающей семье, родители всегда говорят, что сделали правильный выбор и ни о чем не жалеют. И многое на этом пути зависит от компетентной помощи специалистов.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ И ОКРУЖАЮЩЕМ МИРЕ ПОДРОСТКОВ С ХРОНИЧЕСКОЙ ГАСТРОДУОДЕНАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИЕЙ

Частота возникновения гастродуоденальной патологии у детей неуклонно растет. Хронические заболевания органов пищеварения занимают лидирующее место в структуре хронической соматической патологии у детей старшего возраста (Шарапова О.В., Царегородцев А.Д., Кобринский Б.А.) [9]. Гастродуоденальная патология – это заболевание слизистой двенадцатиперстной кишки и пилорической зоны желудка. Наиболее распространенными среди хронических заболеваний органов пищеварения являются хронические гастродуодениты и язвенная болезнь желудка.

Хроническая гастродуоденальная патология (ХГДП) является психосоматическим заболеванием. Психосоматические заболевания – это расстройства внутренних органов или систем, имеющих в своей основе психический фактор [10]. О значимой роли социально – психологических факторов в развитии ХГДП указывали многие авторы [1],[5],[7],[8]. Ведущим фактором патогенеза заболевания является эмоционального стрессирование при доминировании депрессивных тенденций.

При развитии ХГДП в детском возрасте имеет место несоответствие между возможностями ребенка и предъявляемыми ему требованиями (Центнеров Л.Г., 1996). По личностным характеристикам каждый второй такой ребенок замкнут, фрустрирован, недоверчив, тревожен, сенситивен, имеет более выраженные негативные эмоции [2],[6]. У родителей и самих детей с ХГДП существует установка на достижение высоких результатов, что создает детям чрезвычайно трудные условия жизни. Большинство детей имеют острые или хронические психотравмы, преимущественно связанные с ситуацией в семье, реже в школе [3]. Во многих семьях выявлены неправильные типы воспитания (гипоопека, гиперопека, «ежовые рукавицы», «золушка» и др.) [4].

В связи с этим актуален вопрос изучения не столько объективных показателей семейного взаимодействия, так как факт семейной дисфункции присутствует в генезе различных проблем; сколько специфики восприятия семейной ситуации как части представления об окружающем мире у детей с ХГДП.

В 2011 году было проведено исследование, в котором приняли участие 4 группы подростков.

- Две группы - подростки с ХГДП 14-15 лет, группа мальчиков и группа девочек по 30 человек, находящиеся на лечении в стационаре.
- Две группы - условно здоровые подростки 14-15 лет, группа мальчиков и группа девочек по 30 человек из общеобразовательных

учреждений, не проходившие лечение и не состоявшие на учете по поводу гастродуоденальной патологии.

Представление о семье и окружающем мире изучалось с помощью проективной цветоассоциативной методики «Символический анализатор мира» А. М. Парачева [11],[12]. «Символический анализатор мира» позволяет выявить отношение к различным объектам окружающей действительности на основе цветовой проекции. По каждому понятию методики был получен обобщенный люшер-портрет, рассчитан коэффициент комфортности, на основании которого проранжированы все понятия и разделены на четыре категории. Внутри каждой категории выделены общие понятия и понятия специфичные для каждой группы испытуемых.

Рассмотрим наиболее значимые результаты.

Для подростков обеих групп **максимально дискомфортными** и отвергаемыми являются понятия, которые в целом характеризуют такие категории, как *зло* и *несправедливость*. Специфичным в данной категории для мальчиков с ХГДП является понятие *мужчина*, что можно рассматривать, как негативное восприятие мужского образа. Специфичным в данной категории для девочек с ХГДП является понятие *дочь*, что можно рассматривать, как отвержение девочками своей ролевой принадлежности или отвержение родителями этой роли.

Общих для обеих групп **дискомфортных** понятий не выявлено. Специфичными в данной категории для девочек с ХГДП являются понятия, характеризующие отношения: *мама, Я, взрослые, папа, мужчина*, стратегию поведения: *забота* и ценность: *любовь*. Можно говорить о дисфункциональности имеющихся отношений и дефицитарности базовых потребностей.

Для подростков обеих групп основные **комфортные** понятия в целом не различаются и характеризуют положительные отношения, ценности, эмоции и стратегии поведения. Специфичным в данной категории для девочек с ХГДП являются понятия *пассивность* и *контроль*. Можно говорить, что девочки с ХГДП положительно воспринимают пассивную позицию и контроль над собой.

Для мальчиков с ХГДП специфичным **максимально комфортными** являются понятия *женщины, девчонки, удовольствие, отдых, мечта*. Данное сочетание можно рассматривать как позитивное, привлекательное восприятие феминного поведения. Для девочек с ХГДП максимально комфортными являются понятия *мир, Б-2, мечта, праздник*. Можно говорить о том, что у девочек с ХГДП в отличие от девочек без ХГДП достаточно бедный набор – мало категорий имеющих абсолютную позитивную окраску, и эти категории во многом абстракты, а потому трудно соотносимы с реальностью.

Данные, полученные с помощью «Символического анализатора мира» были преобразованы в таблицу рангов. На ее основе был выполнен кластерный анализ, позволяющий увидеть степень близости между

понятиями в картине мира детей. Были получены кластеры, различные по структуре и содержанию.

Рассмотрим основные результаты, полученные в группах мальчиков.

В обеих группах получены кластеры, отражающие специфику семейных отношений, условно названные **«Семья»**.

В группе мальчиков без ХГДП первый подкластер условно назван «Структура семьи». В данный подкластер вошли основные семейные роли нуклеарной семьи (*родители, дети, мама, сын, ребенок*), ценности - *семья, мечта, дом* и стратегия поведения - *забота*. Данное сочетание можно рассматривать как отражение представления о здоровой, нормально функционирующей семье, в которой присутствует забота и целостность. Второй подкластер группы мальчиков без ХГДП условно назван «Позитивное будущее», отражающий процесс самореализации. В данный подкластер вошли роли - *девочки, ученик, дочь*, ценности - *самовыражение, идеал, добро, счастье, Бог, дружба, свобода*, стратегия поведения - *активность*, эмоциональные состояния - *уверенность, здоровье, удовольствие, радость, спокойствие* и временная протяженность - *будущее*. Данное сочетание показывает, что процесс самореализации в группе мальчиков без ХГДП позитивно окрашен, устремлен в будущее, направлен на актуальные отношения со сверстниками. Представлена собственная активная позиция, где не присутствует сцепленность с семейными отношениями.

В группе мальчиков с ХГДП первый подкластер, условно назван «Идеальная семья». В него вошли, также как и в группе мальчиков с ХГДП, основные семейные роли нуклеарной семьи (*родители, папа, дети, ребенок, сын, дочь*), а также категория *Я*, базовые потребности и экзистенциальные ценности - *дом, еда, счастье, идеал, жизнь, здоровье, надежда*, стратегии поведения - *забота, понимание и поддержка*, эмоциональная окраска происходящего – *интерес*, временная протяженность - *будущее*. Данное сочетание можно рассматривать как отражение идентификации себя со своей семьей, как реализацию именно в семье как базовых, так и более глубинных ценностей и потребностей, как идеализацию в принципе семейных отношений и направленность на удовлетворение потребностей в будущем, прежде всего, в семье.

Второй подкластер группы мальчиков с ХГДП условно назван «Симбиоз с матерью». В данный подкластер вошли такие роли, как *друг, мама*, ценности - *дружба, свобода, добро, семья*, стратегии поведения - *мечта, отдых, активность, доверие*, эмоциональные состояния - *радость, независимость*. Данное сочетание показывает, что в группе мальчиков с ХГДП, активная позиция и проявление независимости и доверия, которые являются позитивными переживаниями, связаны, прежде всего, только с мамой, что говорит нам о симбиотичности отношений с матерью.

В обеих группах получены кластеры, связанные с маскулинным поведением и мужскими ролями в обществе, условно названные **«Маскулинная идентичность»**

В группе мальчиков без ХГДП в кластер вошли все мужские роли (*папа, мальчишки, мужчина, взрослые, друг*), а также категория Я, ценности - *справедливость, совесть, безопасность, достижения, надежда, богатство, тело*, стратегии поведения - *честность, уважение, контроль* и временная протяженность – *прошлое*. Данное сочетание можно рассматривать как представление о маскулинности, об образе мужчины, его ролях и моделях поведения. Это представление является позитивно окрашенным. Также данный кластер отражает процесс идентификации себя с данной моделью (не только на сознательном, но и телесном уровне), значимость прошлого опыта отношений, прежде всего с отцом, для благополучного прохождения процесса формирования собственной мужской идентичности.

В группе мальчиков с ХГДП получено два подкластера, отражающие данный аспект, условно названные «Маскулинность» и «Ценности маскулинного поведения».

В подкластер «Маскулинность» вошли такие роли как *учитель, ученик, взрослые, мужчина*, ценности - *справедливость, школа, больница, тело, гастродуоденит*, стратегии поведения - *пассивность, осуждение, контроль* и временная протяженность - *прошлое*. Данное сочетание можно рассматривать как представление о маскулинности и ролевых моделях поведения мужчин, сформированных на основе прошлого опыта. Эти модели связаны со стратегиями осуждения и контроля, формирующими у ребенка чувства стыда, вины и горя. В данном случае гастродуоденит можно рассматривать как стратегию совладания с такой жизненной ситуацией, связанной с пассивным принятием происходящего. При этом в группе мальчиков с ХГДП отсутствует идентификация себя с маскулинными моделями поведения.

В подкластер «Ценности маскулинного поведения» вошли роли - *медперсонал, мальчишки*, ценности - *мир, богатство, власть, безопасность, достижения, совесть, Бог, справедливость*, стратегии поведения - *соперничество, уважение, ответственность, честность*, эмоциональные состояния – *уверенность, спокойствие*, временная протяженность - *настоящее*. Данные стратегии поведения традиционно связаны с маскулинным поведением, направленные на достижение ценностей. Можно предположить, что этот подкластер отражает попытку идентификации себя с мужской ролью, попытку взятия на себя ответственности в процессе общения с медперсоналом и сверстниками в больнице (типичное поведение в процессе лечения: самоутверждение, демонстративность, упрямство, является попыткой проявить свои маскулинные качества).

В обеих группах получены кластеры связанные с фемининным поведением и женскими ролями в обществе, условно названные «Фемининность».

В группе мальчиков без ХГДП в кластер вошли: роль - *женщина*, ценности - *еда, любовь, жизнь, мир*, стратегии поведения - *отдых*,

поддержка, ответственность, доверие, понимание, событие – праздник и временная протяженность - настоящее. Данное сочетание можно рассматривать как традиционное понимание феминного поведения (готовить еду, выслушивать, утешать).

В группе мальчиков с ХГДП в кластер вошли: роли - *женщина, девочки*, ценности - *самовыражение, любовь*, стратегия поведения – *риск* и эмоциональное состояние - *удовольствие*. Данное сочетание можно рассматривать как позитивное, привлекательное восприятие феминного поведения.

Рассмотрим основные результаты, полученные в группах девочек.

В обеих группах получен кластер, условно названный **«Маскулинная модель поведения»**.

В группе девочек без ХГДП в кластер вошли: отношения - *взрослые, папа, мужчина, мальчишки, медперсонал, девчонки, ученик, сын, учитель*, стратегии поведения - *ответственность, контроль*, ценности - *еда, достижения, самовыражение, тело, власть, совесть*, эмоциональные состояния - *уверенность, интерес*. Такое сочетание можно рассматривать как классическую модель маскулинного поведения, ориентированную на получение ценностей власти, богатства и достижений, с помощью стратегий поведения ответственность и контроль. Реализация данной модели связана с чувством уверенности и интереса.

В группе девочек с ХГДП в данный кластер вошли: отношения - *ученик, мужчина, взрослые, учитель, сын, папа, дочь*, стратегии поведения: *пассивность, забота*, ценности - *власть, тело, достижения, богатство, школа, совесть*, эмоциональное состояние: *интерес*. Можно предположить, что для девочек с ХГДП, маскулинная модель, связанная с традиционно маскулинными ценностями – власть, достижение богатство, реализуется с помощью фемининных стратегий поведения - забота и пассивность. Такое сочетание можно рассматривать как пассивное принятие руководства, подчинение, следование указаниям для достижения желаемых целей. Реализация данной модели связана с чувством интереса.

В обеих группах получен кластер, условно названный **«Негативные переживания»**.

В группе девочек без ХГДП в него вошли: ценности – *школа, несправедливость*, стратегии поведения – *обман, пассивность*, эмоциональные состояния – *вина, беспомощность*, события – *развод*, временная протяженность – *прошлое*. Можно говорить, что у девочек без ХГДП стратегия пассивности, отражающая состояние беспомощности и невозможности действовать самостоятельно, является дискомфортной (тогда как у девочек с ХГДП – это одна из основных стратегий достижения желаемых результатов). Также, у девочек без ХГДП школа является негативным понятием, так как, скорее всего, выступает как система подавления, где девочкам необходимо придерживаться стратегии пассивного, то есть дискомфортного для них поведения.

В группе девочек с ХГДП в данный кластер вошли: ценности – *больница, несправедливость, гастродуоденит*, стратегии поведения – *ответственность, риск, болезнь, контроль, соперничество, осуждение, обман*, эмоциональные состояния – *отчаяние, беспомощность, вина, обида*, события – *запрет, конфликт*, временная протяженность – *прошлое*. Можно говорить, что для девочек с ХГДП стратегии поведения ответственности и контроля являются дискомфортными, тогда как в группе девочек без ХГДП они относятся к стратегиям достижения маскулинных ценностей (власть, богатство, самовыражение). Мы можем предположить, что ситуации контроля, в которых необходимо принятие на себя ответственности, являются для девочек с ХГДП дискомфортными, связанными с негативными переживаниями (отчаяния, беспомощности, вины) и сопровождаются обострением гастродуоденита. То есть, гастродуоденит является симптомом сопровождающим принятие решений и ответственности за свои действия.

В обеих группах получены кластеры, отражающие фемининную модель поведения, условно названные «*Фемининность*».

В группе девочек без ХГДП в кластер вошли: отношения - *ребенок, дети, женщина, дочь, мама, Я, друг, родители*, ценности - *семья, счастье, Бог, идеал, жизнь, любовь, свобода, добро, справедливость, мир, богатство, дружба, дом, безопасность*, стратегии поведения - *доверие, мечта, честность, активность, надежда, поддержка, уважение, отдых, забота, понимание*, эмоциональные состояния - *радость, здоровье, удовольствие, независимость, спокойствие*, событие - *праздник*, временная протяженность - *будущее, настоящее*.

В группе девочек с ХГДП в данный кластер вошли: отношения - *друг, дети, женщина, мама, ребенок, медперсонал, мальчишки, родители, Я, девчонки*, ценности - *добро, идеал, свобода, мир, дружба, самовыражение, безопасность, справедливость, еда, семья, дом, Бог, счастье, жизнь, любовь*, стратегии поведения - *мечта, надежда, доверие, поддержка, активность, уважение, отдых, честность*, эмоциональные состояния - *удовольствие, радость, уверенность, независимость, спокойствие, здоровье*, событие - *праздник*, временная протяженность - *настоящее, будущее*.

Можно говорить о сформировавшейся гендерной идентичности девочек обеих групп. Представленные фемининные модели поведения связаны с реализацией в семье различных отношений.

Обобщая полученные результаты можно сделать следующие выводы.

Для мальчиков:

- Образ мужчины, сформированный на основе прошлого опыта в группе мальчиков без ХГДП является позитивным, что дает возможность формирования собственной маскулинности, а в группе мальчиков с ХГДП, наоборот – образ негативен, что не только препятствует идентификации себя с ним, но и нарушает процесс

принятия себя и формирует стратегию ухода в болезнь через гастродуоденит.

- Для мальчиков с ХГДП модель фемининного поведения является позитивной и привлекательной.

- Представленная картина будущего и картина самореализации у мальчиков без ХГДП связана с собственной активностью и построением собственных отношений, а у мальчиков с ХГДП – с сохранением симбиотических отношений с матерью и направленностью на удовлетворение потребностей в будущем в семье, с которой связаны идеализированные ожидания.

Для девочек:

- Представленная маскулинная модель поведения, связанная с традиционно маскулинными ценностями, у девочек без ХГДП реализуется с помощью маскулинных стратегий поведения: ответственность и контроль, а у девочек без ХГДП, - с помощью фемининных стратегий поведения: забота и пассивность. Девочки с ХГДП пассивно принимают руководство и подчинение.

- Для девочек без ХГДП пассивность является дискомфортным понятием, а ответственность и контроль – одна из основных стратегий достижения желаемых результатов. У девочек с ХГДП, наоборот, ответственность и контроль являются дискомфортными, а пассивная позиция подчинения – основная, причем комфортная, стратегия действия.

- Ситуации контроля, в которых необходимо принятие на себя ответственности, для девочек с ХГДП связаны с негативными переживаниями и сопровождаются обострением гастродуоденита.

- Представленные различные феминные модели поведения девочек говорят о сформировавшейся гендерной идентичности.

- У девочек с ХГДП очень мало категорий имеющих позитивную окраску, и эти категории во многом абстрактны и трудно приносимы в реальность.

Литература:

1. Ананьев В.А., Психологическая характеристика тревоги у больных с предъязвенными состояниями и язвенной болезнью двенадцатиперстной кишки. – Л.: Автореф. дис. ... канд. психол. наук., 1988.
2. Баранов А.А., Щербаков П.Л. Детская гастроэнтерология: проблемы и задачи на современном этапе. Вопросы современной педиатрии, 2007- Т.6 № 5, с.53-56
3. Воронков Б.В., Тульчина Л.И., Психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. – Л. Сб. науч. трудов, 1990
4. Грановская Р. М. Психологическая защита. Спб.: Речь, 2007. –476с.

5. Гребень Н.Ф. Психологические факторы в развитии язвенной болезни // Мед. новости.- 2004.- № 9.- С. 11-16.
6. Исаев Д.И., Психосоматическая медицина детского возраста. – СПб.: Спец. Лит., 1996. - 454с.
7. Исаев Д.И., Воронков Б.В., Бельская Л.А., Тульчина Л.И., Психогенные и психосоматические расстройства. - Тарту, 1988. – Т.2.
8. Карвасарский Б.Д., Вассерман Л.И., Групповая психотерапия в системе лечения больных язвенной болезнью желудка и 12-перстной кишки. - Л., 1998.
9. Коростелева И.С., Ротенберг В.С. // Психол. Журнал. 1990. – Т.11, №4. – с. 84-90.
10. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Современный психологический словарь. - М.: АСТ; СПб.: ПРАЙМ - ЕВРОЗНАК, 2007 – 490с.
11. Парачев А. М. Символически анализатор мира (рукопись)
12. Парачев А. М. Цветоассоциативное измерение эмоциональных значений // Материалы VIII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. – М.: Изд-во института лингвистики АН СССР, 1985. –154с.

ПОВЕДЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРВОКЛАССНИКА

(подсказки родителям будущих первоклассников)

«Хочешь ли ты пойти в школу?» - этот вопрос чаще всего задают шестилетним детям. И большинство из них уверенно отвечает: «Да!» Конечно, учебная мотивация сформирована далеко не у всех, не все понимают важность и необходимость учения, кого-то привлекает покупка нового портфеля и красивых тетрадок. Тем не менее, почти все дети идут в первый класс с радостью и желанием учиться. Рисунки на тему «Мой первый школьный день», выполненные в подготовительной группе детского сада, подтверждают это: яркие краски, радостные лица людей, цветы. Рисунки детей два года спустя (тема их: «Я уже ученик») тоже достаточно позитивны, но кто-то потихоньку приписывает букву «м»

Да, в первый класс дети приходят в ожидании новых интересных событий. Но именно первые школьные годы позже порой вспоминаются как самые скучные. Почему? Куда уходит радость познания? И как определить, что ребенку в школе неинтересно?

Вот признаки утраты интереса к учебе:

- ребенок говорит, что учительница его не любит или ему не нравится;
- он недоволен своими отметками;
- он уверен, что у него ничего не получится, и хочет, чтобы его успокоили и похвалили;
- он быстро забывает даже те уроки, которые выучил наизусть;
- он не рассказывает о школе;
- перед уходом в школу у него болит живот, он забывает свои вещи;
- он скучает по детскому саду;
- он жалуется, что у него нет друзей среди одноклассников.

Вряд ли родителям хотелось учиться больше, чем их детям, просто они были более дисциплинированными учениками, в советском обществе ими было легче управлять: «Надо – значит надо». Сейчас жесткая дисциплина ушла, и отсутствие интереса к учебе стало более очевидным. Кроме того, ускорился ритм жизни, предполагается, что успех, удовольствие должны последовать мгновенно. Как это согласовать с усидчивостью и терпением? Получается, что родители дают своим детям противоречивую установку – поощряют немедленное удовлетворение любых желаний, но требуют усидчивости.

Отсутствие стабильности в обществе также провоцирует все большую тревогу у взрослых, и детям эта тревога передается. Кризис, безработица, инфляция – это факторы, лишаящие нас ощущения безопасности. При этом потребность в безопасности, как мы знаем, - одна

из базовых потребностей человека. Что же чувствует ребенок, приходя в школу?

Страх. Тревогу. Новое место, новые люди, новые правила поведения... Если еще и учительница не нравится, если мама переживает, ребенок чувствует себя беззащитным и тратит много сил на то, чтобы справиться со своими страхами. Энергии на учебу у него просто не остается.

В апреле 2011 года в нашем детском саду проводился опрос родителей и детей подготовительных групп в связи с предстоящим обучением в школе. В опросе приняли участие 42 ребенка и 36 родителей. Было выявлено, что 68% родителей хотели бы воспитать в своем ребенке стремление к знаниям, 48% были уверены, что хорошая учеба в школе необходима для будущей карьеры. При этом, разговаривая со своим ребенком о школе, лишь 17% уделяли внимание взаимоотношениям с учителем и другими детьми, говорили о чувствах, переживаниях, для 83% на первом месте были уроки, дисциплина, отметки, послушание.

Никто из родителей не играл с детьми «в школу», никто не приводил ребенка в будущую школу «на экскурсию», чтобы познакомить с обстановкой. К счастью, 28% детей посещали курсы подготовки к школе и имели представление о классе, раздевалке, столовой благодаря учителям, ведущим эти курсы.

Что касается детей, то 8% из них с удовольствием задержались бы в детском саду еще на год (утвердительно ответив на вопрос: «Если бы мама сказала: «Все-таки учиться в школе трудно – надо рано вставать, делать уроки... Может быть, ты пойдешь в школу через год, а еще один год походишь в садик?» - согласишься ли ты?»). Когда детям предлагалось выбрать для решения одну из задач: легкую, среднюю и трудную – большинство, за редким исключением, выбирали легкую и среднюю. Мало кто не боится трудностей! При этом абсолютно все дети уверены, что будут получать хорошие отметки – «4» или «5».

Таким образом, можно предвидеть, что у большинства детей в 1-м классе возникнут определенные трудности.

Что же могут сделать взрослые?

Создать для ребенка безопасное пространство! Говорить о том, как устроена школа, побывать вместе с ребенком везде : в классе, в столовой, в раздевалке, в туалете... Играть с ним «в школу», даже если он уже первоклассник. Организовывать время: объяснять, что будет сейчас, что потом (в структурировании времени дети нуждаются до 12-13 лет). Это поможет ребенку освоиться с новой жизнью.

Итак, первая задача взрослого – сделать так, чтобы ребенок чувствовал себя в школе безопасно.

Вторая задача – развитие любознательности. Именно в первом классе ребенок начинает учиться самостоятельности. Но есть ситуации, с которыми сам он еще не может справиться. Скучно учить буквы, уже умея читать. Трудно заставить себя писать бесконечные ряды палочек и

крючков, заучивать правила. Конечно, потом будет более интересно, но ждать не хочется. И родители могут помочь ребенку в познании нового: наблюдать за природой, рассказывать о планетах, проводить вместе какие-то эксперименты... Множество открытий, удовольствие, которое чувствует ребенок в такие мгновения, позволят ему сохранить радостное любопытство к миру, стремление исследовать, экспериментировать и наблюдать. Ведь настоящий интерес всегда связан с яркими впечатлениями, а не с давлением и натаскиванием, которые постепенно вызывают отвращение к обучению.

И, наконец, поощрение достижений ребенка, укрепление его веры в себя. Неудачи рожают чувство беспомощности. Важно принимать ребенка вместе с его оценками, поддерживать его, научить его сравнивать себя не с другими, а с самим собой, замечать даже малейшие достижения. Иногда, чтобы чувствовать себя сильнее, ребенку достаточно сказать себе: «Пусть я медленно считаю, но зато пишу аккуратно». Это помогает разорвать замкнутый круг неуспешности. Поэтому очень важно как можно

И еще несколько советов родителям.

Утром будите ребенка спокойно. Проснувшись, он должен увидеть вашу улыбку и услышать ласковый голос. Ведь впереди у него трудный день. Не отправляйте утром ребенка в школу без завтрака: до школьного завтрака еще далеко.

После школы встречайте ребенка спокойно, не обрушивайте на него тысячу вопросов, дайте расслабиться. Если же ребенок чересчур возбужден, если жаждет поделиться чем-то, не отмахивайтесь, не откладываете на потом, выслушайте.

Во время выполнения уроков не сидите «над душой», дайте возможность работать самому, но уж если нужна ваша помощь, наберитесь терпения. В течение дня постарайтесь найти хотя бы полчаса, когда вы будете принадлежать только ребенку, не отвлекаясь на домашние заботы, телевизор, телефонные разговоры.

Если что-то не получается, посоветуйтесь с учителем, врачом, психологом, не считайте лишней и литературу для родителей. Родительское влияние косвенное, опосредованное: мы не в силах заставить ребенка испытывать интерес к чему-либо, но именно мы можем помочь найти дело по душе, направить энергию на то, что интересно ребенку. И пусть исполнится заветное желание родителей – чтобы их дети, не боясь трудностей, учились с увлечением!

Литература:

1. Гордеева Т. «психология мотивации достижения». – М.: Смысл, 2006.
2. Сарган Г. Тренинг самостоятельности у детей. – М.: ТЦ «Сфера», 1998.
3. Psychologies, сентябрь 2011.

ИМЯНАРЕЧЕНИЕ В СЕМЕЙНОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЛИЧНОСТИ

Исследованием имени и его роли в жизни человека заняты, в основном, философия и лингвистика, хотя в последние десятилетия интерес к этой проблематике проявляют и психологи. Имя выполняет двойственную функцию: с одной стороны, оно индивидуализирует человека, а с другой, обозначает его принадлежность (к семье, этносу). Историческая психология свидетельствует, что появление имен связано с индивидуализацией, отделением от общности. А. В. Микляева на основе анализа различных этнографических концепций выявляет ряд функций имени: сообщение человеку национальных и семейных традиций, обозначение социального положения, предупреждение и защита, определение судьбы и характера [2, с.8]. П. А. Флоренский в своей работе «Имена» пишет, что имя, данное в честь святого, выступает как бы идеалом жизненного пути для личности, если, конечно, человек ориентируется на высшие духовные ценности [6]. Имя является элементом идентичности личности [3], с помощью него человек обозначает себя (представляясь) и других. Это можно подтвердить историями признания за собой родового имени, например, поэтом Афанасием Фетом-Шеншиним. Анна Ахматова взяв фамилию одной из прабабушек, фактически сменив родовое имя, обрела новую идентичность: «Это образ женщины «экзотической» и поэтому имеющей право необычность... «Экзотической» - и вместе с тем очень русской, «своей», «нашей». Пусть царица не «своя», - имя Ахмата не убирается из русской истории. Таким образом, наречение нового имени дало А. А. приобщение к русской истории и культуре и расширение диапазона ее понимания читателями» [1, с 101]. Также можно вспомнить биографию русской поэтессы Елизаветы Дмитриевой, которая в литературе известна под псевдонимом Черубины де Габриак. Псевдоним стал основой для образа таинственной католической красавицы.

С помощью имени происходит контакт с семейной, а также иногда и с социальной историей: «В подавляющем большинстве случаев ребенка называют обдуманно, предполагая, что имя в дальнейшем будет выполнять определенную воспитательную функцию в его развитии. Воспитательная функция имени порой связана со значением имени («значащие» имена, например, Надежда, Людмила, Всеслав) или – что особенно распространено в российской практике, где преобладают номинативные имена – с источником имени. Нас, прежде всего, интересует получение имени в честь какого-либо исторического деятеля, которое представляет собой совокупность требований к жизненному пути человека, пожелание быть похожим на выбранный семьей образец и, следовательно, проживать жизнь в соотнесении с историей» [4, с. 7]. В процитированном выше исследовании обнаружено, что респонденты с «историческим именем» (то

есть названные в честь известных исторических деятелей) придают меньшую значимость семье и семейным традициям, так как заданный образец заставляет ставить цели вне семейных отношений. «Историческое» имя провоцирует к более широкой исторической перспективе [Там же, с. 8-9].

Суммируя все вышесказанное можно заключить, что для многих людей имя и его история имеют большое значение и во многом определяют идентичность и ценностную сферу личности. Но какова же собственно роль имянаречения в семейной и исторической памяти человека? Для решения этой задачи мы опросили 400 респондентов (180 мужчин и 220 женщин) в возрасте от 18 до 80 лет с различным уровнем образования и социальным статусом. Мы задали следующие вопросы: «В честь кого Вас назвали?»; «С кем на данный момент Вы ассоциируете свое имя?». Кроме того, мы применили авторскую методику «Историческое воспоминание», содержание и схема анализа которой описана в наших работах [5].

Рассмотрим результаты исследования. Отвечая на вопрос «В честь кого Вас назвали?», 46% испытуемых дали ответ «Не знаю», что соответствует данным, которые получила в своем диссертационном исследовании А. В. Микляева [2, с.8]. Самое популярное основание для выбора имени «в честь бабушки, дедушки» (18%), «прабабушки и прадедушки» (5%), сюда же можно отнести имянаречение в честь других родственников (6%); выбор исторического имени не частый, но встречающийся вариант (6%); далее следуют более редкие основания: «по святкам», «в честь подруги (друга)», «в честь первой любви матери (отца)», «сказочного персонажа».

Ответы на вопрос «С кем на данный момент Вы ассоциируете свое имя?» распределились следующим образом: «ни с кем» - 60 %; с исторической личностью ассоциируют свое имя 14 % испытуемых; с известной (современной популярной) фигурой – 13 %; со святым (святой) – 5 %; с литературными героями – 3 %, также есть отдельные редко встречающиеся ответы. Отметим, что совпадения «в честь кого назвали, с тем и ассоциирую» редки и встречаются как раз у носителей «исторических имен».

Обратимся к характеристикам исторических воспоминаний людей с различной историей имянаречения. Носители «исторических имен» чаще описывают ситуативные события ($\varphi = 1,89$; $p \leq 0,05$), то есть те, которые произошли в тот же месяц, когда заполнялась методика. Это может демонстрировать интерес таких людей к общественно-политической жизни страны и мира. Также у них чаще встречаются рассказы о «переломных» исторических событиях ($\varphi = 1,72$; $p \leq 0,05$), когда общественно-политическое событие резко меняют судьбу и/или личность человека. Можно сделать вывод об особой значимости истории для людей, названных в честь исторических персонажей.

У носителей «семейных» имен в воспоминаниях чаще присутствует семья, то есть родители, бабушки и дедушки ($\varphi = 2,01$; $p \leq 0,05$). Кроме того, обнаружено, что воспоминания о культурных событиях значимо чаще описывают те, кого называли в честь прабабушек и прадедушек ($\varphi = 2,40$; $p \leq 0,01$). То есть знание семейных традиций, связь поколений, которая проявлена в истории имени, сказывается на особенностях мировосприятия человека в будущем.

В воспоминаниях тех, кто не знает, в честь кого их называли, характерна объектная позиция, в то время как осведомленные о своем имянаречении респонденты чаще субъектны ($\varphi = 2,09$; $p \leq 0,05$). Объектная позиция в воспоминании предполагает отстраненное описание, без активных действий и упоминания «я» как субъекта истории, наблюдается синтаксическая и семантическая пассивность («со мной что-то делают», а не «я действую»).

Подводя итоги, можно заключить, что имянаречение играет значительную роль в мировосприятии человека, его исторической и семейной памяти, а, следовательно, и в жизненной позиции. Для носителей «исторических имен» характерен интерес к актуальным общественно-политическим событиям, те же, кто назван в честь членов семьи чаще упоминают семью в автобиографических рассказах.

Литература:

1. Коврова К. А. Истоки победы Анны Ахматовой: опыт психобиографического исследования // Психология в ВУЗе №4. Обнинск: Изд-во «Социальные науки» – 2008. С. 88-108
2. Микляева А. В. Социально-психологический анализ «имяупотребления» как средство общения подростков: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – СПб., 2002. – 18 с.
3. Мухина В. С. Феноменология развития и бытия личности. – Москва: Изд-во МОДЭК, 1999. – 640 с.
4. Нуркова В. В. Социальное прошлое в индивидуальной памяти // Историческая психология и социология истории. – 2009. – № 1. – С. 5–27.
5. Трегубенко И. А. Психологическая диагностика исторической памяти // Научные труды: вопросы теории культуры. Вып. 19. СПб., 2011. – С. 106–121.
6. Флоренский П. А. Имена. - Москва: Изд-во ЭКСМО, 2006. - 896 с.

НАШИ АВТОРЫ

1. Богдановская И. М. Кандидат психологических наук, доцент кафедры методов психологического познания РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
2. Борзунова Е. Н. ФГБОУ ВПО Воронежский государственный университет
3. Векилова С. А. Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
4. Волохонская М. С. Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
5. Иванова И. С. Аспирант кафедры психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
6. Микляева А. В. Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
7. Орлова Г. В. ФГБОУ ВПО Воронежский государственный университет
8. Резник С. В. Сотрудник общественного благотворительного фонда «Родительский мост», службы сопровождения семей с приемным ребенком.
9. Солнцева Н. В. Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
10. Тимофеева Ю. А. Государственное бюджетное дошкольное образовательное учреждение детский сад № 14 Невского района г. Санкт-Петербурга
11. Трегубенко И. А. Аспирант кафедры психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
12. Яковлева Н. В. Психолог СПбГУЗ ДИБ №3, Санкт-Петербург